

ВАДИМ ПАНОВ

ЦАРЬ ГОРЫ

ТАИНЫЯ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов

Царь горы

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2005

Панов В. Ю.

Царь горы / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2005 — (Тайный Город)

ISBN 5-699-14059-X

Они были чужими в этом мире, потому что Солнце, дарящее жизнь всему живому, несло им гибель. И не только оно. Вот уже сотни лет масаны безжалостно истребляли друг друга. Часть из них приняла Догмы Покорности и нашла прибежище в Тайном Городе, другие же, получившие имя Саббат, выбрали свободу. И войну. Но пришло время, и даже самые упрямые из Саббат поняли, что с Великими Домами надо договариваться, и тот, кто сможет это сделать – по праву возглавит семью... А тем временем в Тайном Городе тоже разгорались весьма неожиданные события – о своих могучих корнях вспомнили – кто бы мог подумать – Красные Шапки, и потребовали надлежащего уважения. В общем, стало в мире неспокойно – самое время команде челов-наемников во главе с неутомимым Кортесом прервать затянувшийся отпуск и приняться за нелегкую работу!

ISBN 5-699-14059-X

© Панов В. Ю., 2005

© Эксмо, 2005

© Панов Вадим, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Панов

Царь горы

Пролог

Шторм рвал океан четыре дня.

И все четыре дня волны накатывались на скалы с упорством штрафных батальонов, разбивались в дым, хрипя, уходили, но только для того, чтобы броситься в следующую атаку. Броситься с такой одержимостью, словно не сомневались – именно этот удар станет последним, именно этому приступу суждено свалить упрямую скалу и отвоевать для океана еще один клочок суши.

Одержимость напора завораживала.

А бешеный ветер ломал прибрежные рощи, прижимал к земле деревья, чудом выросшие среди голых скал. Ветер вгрызался в камень, пытался расшатать твердыню, как мог поддерживал неистовый шторм... и отступал. Уносился прочь, стелился над волнами, набирался сил. И возвращался, не желая признавать поражение.

Шторм рвал океан четыре дня. Четыре дня длилось противостояние. Жестокое, беспощадное и бессмысленное... Четыре дня каменные стены берега сдерживали напор стихии, а жителям немногочисленных рыбацких поселений приходилось кричать, чтобы быть услышанными друг другом. Затем атаки ослабели. Яростный рев стал тише, и ветер не гнул деревья, а лишь поглаживал ветви. Устали дьявольские музыканты, задававшие ритм безумному хороуду. А может, решили, что достаточно наигрались здесь, и устремились к другим морям, к другим берегам, к другим скалам – напоминать о силе повелителя глубин и его дурном характере.

Шторм прекратился, но небо пока еще не прояснилось. Угрюмо нависая над морем, оно переживало в памяти неудачную попытку проломить скалы, и тяжелые тучи едва не касались волн, таких же тяжелых и медлительных, лениво и неспешно перекачивающихся по груди океана и напоминающих серые холмы, волшебным образом пришедшие в движение.

Море успокоилось, но в его величественной неторопливости еще чувствовалась угроза...

– Так будет всегда. Они умеют разрушать и ломать, могут украсить, сделать мир более комфортным, закрыть глаза и поверить, что он стал таким, каким они хотят его видеть... Но все это – обман. Их потуги – барельефы, высеченные на скале. Рано или поздно ветер и вода не оставят от них и следа. Ибо, как бы они ни старались, им никогда не изменить основополагающих принципов, не дано прикоснуться к законам мироздания. А если и дано, то только силой. Не изменить, а сломать... – Мужчина в плотной, тщательно застегнутой куртке и черных штанах говорил негромко, но очень уверенно. – Разрушители по природе своей. – Помолчал. – Разрушители. Ради избавления от штормов они уничтожат океан. А чтобы спасти дичь, истребят охотников.

Он поднялся с камня, поправил черную вязаную шапочку, надвинутую на самые брови, сделал несколько шагов, остановился, скрестил на груди руки и вновь устремил взор в сторону моря.

Что он видел? Костер, разложенный на укывшейся среди скал площадке, не мог осветить ночной океан. Луна пряталась за тучами, и со стороны могло показаться, что взгляд мужчины упирается в непроницаемую мглу. Впрочем, некоторым, чтобы видеть в темноте, не нужны ни луна, ни солнце.

– Цели добиваются не только силой. Пусть кажется, что компромисс невозможен, что столкнулись не интересы, а принципы, что узел можно только разрубить, – но это только

кажется. Да, никто не хочет уступать, но ведь можно оставить все как есть! Океан продолжает бушевать и убивать. Вулканы, торнадо, лавины... От них не избавиться.

Площадка находилась высоко, до нее не долетали соленые брызги, а прибой напоминал о себе лишь мерным гулом. Серые скалы вокруг утоптанной земли, едва освещенный костром зев небольшой пещеры и, если бы не мешали тучи, – великое множество звезд над головой. В ясную погоду с площадки открывался великолепный вид на ночное небо. Вот только не было заметно тропинок, ведущих в уединенное место, ни одного прохода в окружающих скалах, ни намек на то, что сюда можно добраться пешком.

– Есть вечные законы. Океан порождает шторм, земля – вулканы, овцы... Овцы порождают волков. Можно ли их примирить? Никогда. Овцы не будут охотиться, волки не станут пастись. Они ведь созданы для другого! Созданы!!

Впервые с начала речи мужчина проявил эмоции: повысил голос. И топнул ногой. Дважды. А потом сжал правую руку в кулак и взмахнул перед собой. Абстрактные размышления закончились, говорящий прикоснулся к болезненной теме, и от его спокойствия не осталось и следа.

– Я знаю, что ты ответишь. Ты скажешь, что я не прав, что выбрал неподходящее сравнение. Что волки и овцы действительно созданы друг для друга, а мы – чужаки. И я соглашусь с тобой. Да! Сто тысяч раз – да! Но суть не изменится. В этом мире все чужие, все пришлые. Одни явились раньше, другие – позже, вот и вся разница. Нынешним овцам потребовались волки посерьезнее. Потребовались мы! И мы появились. А теперь нас считают лишними!!

Эмоциональная вспышка угасла. Мужчина в вязаной шапочке с некоторым удивлением посмотрел на вскинутый кулак, медленно разжал пальцы, покачал головой.

– Я бы все отдал за то, чтобы никогда, ты слышишь, – никогда! – не видеть красоту этого мира. Не наслаждаться мощью океана. Не слышать шум прибоя. Не вдыхать соленый ветер. Не любоваться прекрасными звездами. Я бы отдал все, чтобы жить в мире, предназначенном для меня. Для нас. Для всех нас. Я хочу жить дома. Я устал быть чужим. – Он обернулся к собеседнику, грустно улыбнулся, закончил чуть тише: – Уверен, ты со мной согласен.

Ответа не последовало. И, несмотря на высказанную мужчиной в вязаной шапочке уверенность, его собеседник даже головой не качнул в знак согласия. Впрочем, назвать второго мужчину собеседником было трудно. Скорее уж слушателем. Он сидел на земле, у скалы, в полушаге от черного провала пещеры. Ржавые кандалы – чистенькими, новенькими были только стягивающие их болты – приковывали к камню руки. Причем не только запястья, но и предплечья, рядом с локтевым суставом, и плечи. Один металлический обруч охватывал шею, а второй – грудь. Надо ли говорить, что обручи крепились к скале? Ноги «собеседника» оставались свободными, и изрытая рядом с каблуками земля показывала, что некоторое время он извивался, рвался на волю, заходил в бессильной ярости.

– Наша кровь чужда этому миру... – размеренно продолжил мужчина в вязаной шапочке, несколько не смутившись отсутствием ответа. – Что странно, ибо кровь этого мира вполне подходит нам. Может, все дело в душе? Как ты считаешь, имеют под собой основания человеческие домыслы? Не задумывался? Я не удивлен.

Пленник скривился, но вновь промолчал.

– Душа. Не один год я размышлял над этим феноменом. Выдумка или реальность? Глупый тотем полудикого стада или сокровенное знание, дарованное самым примитивным из разумных? Душа... Есть ли душа у мира? У миров? Или душа есть только у этого мира и поэтому всех тянет сюда? И поэтому самые великие империи эпохи Спящего основывались под этими звездами?

– Заткнись, а? – попросил пленник. – Делай что задумал, только избавь меня от своего трепа.

Мужчина в вязаной шапочке не рассердился. Во всяком случае не изменил размеренному тону.

– Этот мир не привечает душу нашей семьи. И наша кровь ему не нравится. Он нас не любит, он нас терпит. Мы имеем право кормиться на его просторах, имеем право резать его овец, но навсегда останемся чужаками. Мои слова подтверждены неоднократно, но главное доказательство заключается в том, что подлинное могущество, основанное на древних ритуалах и арканах, мы можем обрести, лишь пролив родную кровь. – Мужчина внимательно посмотрел на пленника: – Ты, верно, гадаешь, почему наша дружба закончилась именно таким образом?

– Ты готовил меня для жертвоприношения, – угрюмо ответил скованный. – Ты меня *высушишь*.

– Удивительная проницательность, – вздохнул мужчина в вязаной шапочке. – Да, мой дорогой Крис, ты абсолютно прав: тебе выпало стать жертвой. Когда я вел тебя за собой, когда указывал, каких именно масанов и в какой именно последовательности следует *высушить*, я и не предполагал делать из тебя ученика. Тем более – наследника. Мне нужна была твоя кровь, Крис, твоя кровь, усиленная жизнью братьев. Таков ритуал. – Он грустно улыбнулся. – Если это тебя утешит, скажу, что все истинные кардиналы вынуждены убивать масанов: другую кровь, или... другую душу, Амулеты не терпят. Но у Бруджи и Луминаров есть солдаты, они могут захватить пленных из враждебных кланов и использовать их по своему усмотрению. Я же вынужден рассказывать сказки.

– Хорошая сказка.

– Хорошая, – согласился мужчина в вязаной шапочке. – А главное – правдоподобная. Вспомни, как загорелись твои глаза, когда я сообщил, что Амулет выбрал тебя истинным кардиналом. Какие перспективы ты увидел, какие планы принялся строить. И ничего не изменилось, когда ты узнал, что придется *высушить* девятерых братьев. Ты с азартом взялся за дело...

– Заткнись!

Крис отвернулся, но перед его глазами против воли вставали убитые масаны. Вот Ламберт, старина Ламберт, с которым они прошли огонь и воду, с которым сумели уйти от гарок во время «похода очищения» в Чикаго. Случайно или нет, но Ламберт оказался вплетен в уравнения истинного кардинала и был *высушен*. Был *высушен* лучшим другом... Вот женщина из Мельбурна, недоверчивая и сильная, с ней удалось справиться только при помощи проклятого кардинала. Вот юнец из Дели... старик из Дели... две сестры из Боготы... Все они были выбраны, все они были обречены.

– Ты убивал с большой охотой, Крис. После ты смеялся, шутил, чувствовал, как бурлит в тебе чужая жизнь. И жадно смотрел на меня. Нет, не на меня, на нее.

Мужчина осторожно снял шапочку, и взору пленника открылся золотой обруч, надетый столь плотно, что, казалось, врос в голову. Тонкий, не толще изящного женского мизинчика, покрытый искусной гравировкой и украшенный квадратным черным камнем.

Диадема Теней.

Крис судорожно сглотнул и... и мысленно согласился со словами обманщика: да, он всегда смотрел на Диадему, видел только ее. Видел, даже когда кардинал скрывал сокровище под шапочкой плотной вязки. Ради обладания Амулетом Крови Крис был готов на все. Он любил Диадему, жаждал ее.

Сейчас он ненавидел себя за ту любовь.

– Кормите Амулеты кровью братьев?

– Увы, мой дорогой Крис, ничего другого сокровища семьи Масан не желают.

– Каннибалы!

Кардинал едва заметно вздрогнул.

– Обычно мои пленники любят великолепными звездами. Увы, тебе не повезло. В последний путь тебя проводит только шум прибоя. – Кардинал сел на землю, сложил турецки ноги и закрыл глаза. – Ты ничего не почувствуешь. Тебе не будет больно. Смерть во тьме приятна и легка.

Крис хотел крикнуть что-нибудь злое, обидное, но понял, что не будет услышан. Сдержался. Вдохнул. «Уходить надо достойно». И посмотрел на небо, стараясь разглядеть сквозь тучи хоть одну звезду. Крису не хотелось, чтобы на ту сторону его проводил лишь безразличный шум моря.

И он смотрел на небо до самого конца.

И не увидел, как почернело пламя костра. Как потянулась из пещеры темная, темнее ночи, дымка. Как прикоснулась она к ноге, сначала осторожно, а затем все смелее и смелее, крепко-накрепко закутывая жертву в кокон беспросветного мрака. Не видел Крис, как неожиданно окаменел кардинал и как его лицо исказилось, когда и до него дотянулась тьма пещеры...

Крис смотрел на небо. И в последний миг жизни, в то самое мгновение, когда сознание почти ушло, увидел пробившуюся сквозь тучи звезду.

И улыбнулся ей.

Кардинал пришел в себя примерно через час.

Потеряв сознание, он завалился набок в той позе, как сидел: скрещенные ноги, прямая спина, и теперь, поднявшись, с наслаждением размялся, сделав несколько простых упражнений.

«Каннибалы!»

– Да, мой дорогой Крис, – каннибалы. Еще один повод ненавидеть мир. Может быть, там, где мы не чужие, могущественные Амулеты согласятся на иные жертвы, и лидерам семьи не придется убивать братьев. Может быть. А пока...

Горько. Кардинал не первый раз наполнял Диадему силой, но всегда – всегда! – чувствовал себя проклятым. Нечистым. Может, именно из-за этого ощущения он покинул клан, став первым в истории истинным кардиналом, отказавшимся от власти.

Может быть.

Он вернулся на голову черную вязаную шапочку, поднял с земли череп – все, что осталось от Криси, – размахнулся и швырнул его в черный зев пещеры.

И долго, почти до самого восхода, сидел на камне, прислушиваясь к мерному рокоту океана.

Глава 1

«Дорожная полиция предупреждает, что в связи с проведением компанией «Чудь Inc.» ежегодного корпоративного праздника, во второй половине дня вторника возможны затруднения при проезде по проспекту Вернадского, между Ломоносовским проспектом и...»

(«Авторадио»)

«День Памяти, отмечаемый Великим Домом Чудь в этот вторник, пройдет по традиционному сценарию. Торжественная церемония в Замке, на которую приглашены представители Нави и Зеленого Дома, начнется в семь вечера и продлится до одиннадцати. Как известно, День Памяти – праздник нерадостный, и руководство Ордена специально договаривается, чтобы в этот день не проводилось шумных развлекательных мероприятий, однако на этот раз...»

(«Тиградом»)

* * *

Отель «The Westin Excelsior»

Италия, Рим, 14 декабря, вторник, 02.07 (время местное)

В начале было слово.

Все начинается так: со слов, с разговоров. Мы говорим и слушаем. А еще мы смотрим в глаза и читаем интонации, жесты. Мы слушаем, что говорят, а слышим – как говорят. Ищем, что стоит за речами, думаем, можно ли верить. Словам. Словам, которые нам говорят. Можно ли верить тому, кто говорит? Мы пытаемся прочесть его мысли, его душу, его Я. Изучаем. Проникаем глубже и глубже, находим потаенный смысл слов, начинаем смотреть на собеседника другими глазами... и, бывает, неожиданно понимаем, что не хотим больше изучать. Что исчезли подозрительность и настороженность, с которых начиналось знакомство, и мы верим его словам. Что бы ни сказал – верим.

И его голос становится самым приятным в мире, его интонации и жесты – родными, мы знаем, как он произнесет ту или иную фразу, как улыбнется, как нахмурит брови, как веселится и как сердится, как думает и как любит...

Бывает, изучив кого-то, ты вдруг понимаешь, что не можешь без него жить.

Бывает.

В Риме Захар Треми всегда останавливался в «The Westin Excelsior», в шестизэтажном отеле, украшенном кокетливой башенкой. Правда, некоторые друзья считали здание помпезным, вычурным, но Захар возражал, отвечая, что глупо жить в чем-то современном, стеклянно-бетонном, неспособном передать дух Вечного города. «Сердце любого города в камне. На нем следы, на нем кровь, на нем время. О чем могут рассказать новостройки? Какую тайну раскрыть? Чем удивить? В номере современного отеля нельзя увидеть сон о прошлом...» С такими аргументами трудно спорить.

Но существовала еще одна причина, по которой Треми всегда выбирал «The Westin Excelsior»: ввиду некоторых обстоятельств отель оказался наиболее удобен для тайных встреч.

– Весь клан гадает, отчего я стала такой примерной.

– Приходят и спрашивают? – шутливо поинтересовался Захар.

– Конечно, нет. – Клаудия улыбнулась. – Сплетничают. Обо мне ходит много сплетен.

Подданные всесильного барона Бруджа не отказывали себе в удовольствии обсудить бурную личную жизнь дочери сюзерена и искренне недоумевали, почему два последних месяца обошлись без скандальных развлечений и странных любовников. Столь длительная пауза настораживала любителей почесать языки, заставляла выдвигать самые невероятные гипотезы, которые благодаря хорошей работе службы внутренней безопасности сразу же становились известны Клаудии.

– Масаны боятся, что тебе все наскучило?

– Осторожно надеются, что я повзрослела. – Девушка закрыла глаза. – А в основном предполагают, что отец решил выдать меня замуж, связать кого-то из истинных кардиналов династическим браком.

Очень характерная сплетня. Сто – сто пятьдесят лет назад даже записной враль счел бы подобное предположение чересчур фантастичным.

– Всем надоели раздоры.

– Да...

Клаудия тихонько вздохнула, замолчала. Захар лежал на спине, одной рукой он обнимал девушку, другую заложил за голову и с удовольствием разглядывал отражение любимой в закрепленном над кроватью зеркале. Изящная фигура: тонкие ноги, узкие бедра, небольшая грудь, ломкая линия плеч. Клаудия казалась хрупкой, но первое впечатление обманывало: ей нравилось играть в манерность, скрывать внутренний стержень за показной слабостью. На узком лице – огромные глаза в обрамлении длинных, пушистых ресниц, остренький, чуть вздернутый носик, тонкие губы, те, кому доводилось видеть барона Бруджу, с трудом верили, что красавица – его дочь.

– Почему ты заговорила о слухах? – негромко спросил Треми. – Смущает, что в клане узнают о нас?

На губах девушки появилась легкая улыбка:

– Не узнают. Хотя... – Она стала чуть серьезнее. – Такая новость взорвет клан.

– Сейчас – взорвет, – уточнил Захар.

Он поймал себя на мысли, что мечтает о дне, когда сможет публично назвать Клаудию своей женщиной. Нет – своей женой. Избранницей. Что сделает все, чтобы их красивые, но секретные свидания остались в прошлом и они смогли жить вместе. Просто жить вместе. В одном доме.

Саббат и Тайный Город, два полюса семьи Масан, между которыми протянулись кровавые меридианы братоубийственной войны. Сотни лет назад вампиры разделились на тех, кто принял Догмы Покорности, и тех, кто продолжил свободную жизнь в ночи, не признавая власти Великих Домов. Клаудия была дочерью барона Бруджа, истинного кардинала, стоявшего у истоков Раскола. Захар – сыном Силы Треми, безжалостно истреблявшего отступников по приказу Темного Двора. Стоит ли говорить, как бы отреагировали рядовые масаны, узнай они об их связи?

Девушка потерлась щекой о плечо Треми.

– Иногда мне кажется, что те, в ком нет сумасшедшинки, не способны быть счастливыми.

– Почему?

– Слишком пресная жизнь.

– Они видят в этом счастье. Спокойствие и благополучие. Все предсказуемо, все предусмотрено, все рассчитано.

- Тишина и покой.
- Ага.
- Как на кладбище.

Захар потянулся, взял с тумбочки бокал с токайским, сделал маленький глоток белого полусладкого вина. Очень необычный выбор для масана, ибо члены семьи традиционно предпочитали красную виноградную кровь, плотную, терпкую – Треми и здесь умудрялся отличаться от других.

Задумчиво повертел бокал в руке:

- Разве ты этого не хочешь?
- На кладбище?

Язвительная. Характер, откровенно говоря, не сахар. Упрямая. Высокомерная. Любимая.

Захар улыбнулся.

- Разве ты не хочешь спокойствия?
- Тихой и благополучной жизни?
- Вместе со мной.
- Видеть твою физиономию каждое утро?
- Просыпаться в моих объятиях.
- Наблюдать, как уходит острота восприятий и ты теряешь ко мне интерес?
- Знать, что я всегда, что бы ни случилось, буду рядом.
- Ты объясняешься в любви?
- Я...

– Молчи. – Клаудия приподнялась, ловким движением оказалась сверху, руками уперлась в широкие плечи Захара. – Не надо слов. Сейчас, пожалуйста, не надо.

Треми бросил бокал. Пушистый ковер не позволил стеклу разбиться, намок, впитав вылившееся вино, но какое им было дело до упавшего бокала? Захар и Клаудия целовались.

Сердце масана бьется медленно, его кровь холодна, но кто сказал, что под ледяным панцирем не может бушевать раскаленный вулкан? Кто сказал, что холод крови то же самое, что холод сердца?

И когда холодные ладони Захара скользили по холодной груди Клаудии, и когда ее холодные руки оплетали его холодную шею, и когда соединялись в поцелуе холодные губы, и когда они не могли сдержать стон, когда кричали, наслаждаясь чарующим ощущением полного соития, когда двое превращались в одно целое, когда ничто под Луной не могло оторвать их друг от друга... В каждое из этих мгновений, в каждый миг холодные масаны пылали так, что позавидовал бы любой вулкан, позавидовало бы ненавидящее их Солнце.

- Я хочу сказать...
- Не надо, – попросила Клаудия. – Не надо... Давай оставим все как есть. Она боялась услышать? Или не верила? Пока не верила? Или...

Захар крепко прижал девушку к себе. Обхватил сильными руками, на мгновение замер, вдыхая аромат ее тела, наслаждаясь нежностью кожи, ткнулся лицом в короткие черные волосы, поцеловал тонкую шею.

- Я хочу сказать тебе как есть: я тебя люблю.
- Девушка молчала. Касалась губами его руки и молчала.
- Я очень сильно тебя люблю.

* * *

Супермаркет Гильдии

Москва, улица Большая Лубянка,

14 декабря, вторник, 10.15

Кабинет Биджара Хамзи, управляющего крупнейшим супермаркетом Тайного Города и одного из директоров Торговой Гильдии, был именно таким, каким должно быть рабочее место уважающего себя шаса. Жизнь в комнате не замирала ни на мгновение: ежесекундно звонили телефоны, обычно по очереди, но иногда все сразу, на развешанных по стенам мониторах ползли таблицы и графики, биржевые котировки и курсы валют, дикторы шептали деловые новости и деловые сплетни. В кабинет постоянно входили сотрудники, отчитывались, докладывали, выслушивали умные мысли босса и удалялись, уступая место следующему посетителю. Пахло дорогим парфюмом, хорошим кофе и большими деньгами.

Биджар, несмотря на относительную молодость, считался лучшим директором Гильдии. И уж точно – самым энергичным. Он свято верил, что деньги должны крутиться, а не прирастать процентами в банках, а потому живо интересовался любыми проектами, способными принести прибыль. Желательно быстро, и желательно – не менее двухсот процентов. Жизнь Хамзи была расписана по секундам – к нему сходилось слишком много нитей, и, подобно центральному процессору, Биджару частенько приходилось выполнять одновременно несколько задач: выслушивать доклад и следить за изменениями котировок, говорить по телефону и просматривать отчеты менеджеров. Завтраки и обеды он совмещал с деловыми переговорами, вечера, как правило, проводил на приемах и раутах и даже с собственными детьми общался строго по расписанию. Впрочем, маленькие шасы воспринимали это как само собой разумеющееся.

Другими словами, Биджар напоминал разогнавшийся локомотив – стремительный и целеустремленный. Он быстро жил, быстро работал, и лишь изредка в его кабинете наступала относительная тишина. Отключались мониторы и телефоны, звонки переводились на секретаря, а подчиненные получали приказ не мешать. Обычно это означало, что идут переговоры, реже – что Хамзи встречается со старыми друзьями. Иногда – и то и другое одновременно.

– Курорт приносит устойчивую прибыль. А когда народ узнал, что вы проводите на острове отпуск, раскупили даже номера с видом на помойку.

– У нас таких нет, – рассмеялась Инга.

– Неважно! Главное, что свободных коек в отеле не осталось.

– Все хотели поболтать с легендарными наемниками, – согласно кивнула девушка.

Инга походила на подростка: маленькая, худенькая, с едва обозначившейся под джемпером грудью – двадцать лет, девчонка! Но в темных, умных глазах чувствовалась взрослая сила – в свои небольшие годы озорница повидала и пережила немало. Боевой маг, пусть и не самого высокого уровня. Член лучшей команды наемников Тайного Города. И при этом – хваткий менеджер, ухитрившийся втянуть друзей в авантюру с созданием собственного курорта. Биджар владел частью акций и считался генеральным директором фирмы, так что успеху предприятия он радовался от всей души.

– Надеюсь, вы снисходили до бесед?

– Иногда.

Артем и Кортес переглянулись и одновременно поморщились.

– Мы старались быть вежливыми.

– Но мы не свадебные генералы...

– Разве кто-то женился?

Наемники снова переглянулись.

– Это чловская идиома, – буркнул Кортес.

– Мы хотели сказать, что не планировали шляться по барам и рассказывать о старых подвигах в пьяных компаниях, – добавил Артем.

– Это часть бизнеса, – хитро улыбнулся Биджар. – К тому же, если я правильно понимаю ситуацию, некоторые гости предлагали вам контракты?

– Мы отдыхали, – скупно ответил Кортес. – И отказывались от предложений.

Артем хмыкнул.

Они походили друг на друга: подтянутые, поджарые, широкоплечие – не громоздкие, но производящие впечатление. И спокойные. Наемники излучали то тяжелое, непоколебимое спокойствие, которое дает настоящая уверенность в себе. Не петушиный гонор, а холодное, расчетливое осознание собственной силы. При этом нельзя было ошибиться в том, кто из них отдает приказы: и в голосе, и в жестах Кортеса читалось – вождь. Не назначенный руководитель, а признанный лидер.

– Откровенно говоря, Биджар, мы не рассчитывали, что ты растрезвонишь о нашем намерении провести отпуск на острове по всему Тайному Городу, – произнесла Яна. – Когда потянулись желающие познакомиться поближе и выпить по рюмашке в баре под пальмой, Кортес даже подумывал уехать...

Высокую, стройную и элегантную Яну трудно было назвать красивой, скорее – сумасшедше красивой. Она привлекала взоры всех мужчин, способных увидеть ее подлинный облик. Точеные черты лица, красиво очерченные губы, изящный носик, и глаза... большие, миндалевидные, наполненные тяжелым золотом Кадаф. И черная татуировка на лишенной волос голове – личная подпись Азаг-Тота. Яна была последней в мире гиперборейской ведьмой, одной из легендарных наложниц ненависти, сумевшей вырваться из-под власти Великого Господина.

– И почему остался? – с искренним интересом осведомился шас у Кортеса.

– Не в моих правилах отступать.

– Вот и хорошо, – заулыбался Хамзи. – Я знал, что могу на вас положиться.

– Но о том, где мы будем отдыхать в следующий раз, ты не знаешь.

– Если это будет не мой отель, то мне и неинтересно.

– Это наш отель.

– Я так и сказал.

– Тогда покажи баланс за последний месяц.

– Ты все о делах да о делах, – посетовал шас и посмотрел на часы. Потом подумал, включил один из мониторов и уставился на ряды цифр.

Встреча друзей закончилась, притормозивший было локомотив вновь начал разгон.

– Баланс, – напомнил наемник.

– Вот. – Не сводя глаз с монитора, шас протянул Кортесу стопку листов. – Обрати внимание, что ли? Под пальмы?

– Нет, сегодня мы останемся в городе.

– Собираемся к Птицию на премьеру, – добавила Яна.

– Говорят, ожидается грандиозное шоу, – улыбнулась Инга.

– Знаю, знаю, – пробубнил Биджар. – Птиций у меня кредит на постановку брал...

– «Терракотовые одалиски», – уточнил Артем. – Нечто сногшибательное.

Наемники говорили столь жизнерадостно и убедительно, что Хамзи, начавший погружаться в дела, не почувствовал фальши. Не заметил, что при упоминании о шоу глаза собеседников холодеют.

Приглашения в «Ящеррицу» Кортесу прислал Сантьяга, и наемники понимали, что им предстоит не только насладиться очередным шедевром Птиция, но и провести серьезный разговор с могущественным комиссаром Темного Двора.

– А я думал, вас на праздник позвали, – рассеянно пробормотал шас, включая еще один монитор и одновременно снимая трубку телефона.

– На какой праздник?

Биджар непонимающе посмотрел на задавшего вопрос Артема, некоторое время соображал, что имел в виду молодой наемник, после чего удивленно поднял брови:

– Ты на календарь когда последний раз смотрел?

* * *

Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 14 декабря, вторник, 10.48

Есть под луной вещи, которые не меняются в веках. К счастью – есть. И что бы ни случилось в нашем брэнном мире, какие бы события ни происходили, вещи эти останутся неизменными, такими, как и сто, и тысячу лет назад. Сохранятся в том виде, в каком появились, такими, какими пришли, какими были задуманы. Звезды будут вечно сиять на небе, глубоко под землей всегда будет пылать огонь, Красные Шапки... Подобно всему вечному, они рассеянно, словно не замечая, стряхивали с себя пыль времен, не менялись и не учились, сохраняя в девственной неприкосновенности чарующий первобытный облик. Когда-то дикари населяли Западные леса, ныне – Южное Бутово, но принципиальных отличий между современниками и предками не существовало. Традиционные кожаные одежды, традиционные татуировки, покрывающие едва ли не все тело, традиционное виски – без этого катализатора мозги Красных Шапок функционировать отказывались. Стоит ли упоминать о четком соблюдении древних этических норм? Междоусобные свары, разбой и мародерство рассматривались дикарями как лучшее в мире времяпрепровождение, и изживать подобные пристрастия они считали кощунством.

Так и жили.

– Копыто, иди сюда, в сику перекинемся!

Уйбуй угрюмо посмотрел на любителей картишек, привычно сгруппировавшихся в дальнем углу «Средства от перхоти», скривился и пробубнил себе под нос парочку ругательств. Некоторое время назад Копыто благодаря тесному знакомству с одним незадачливым концом неожиданно сделался великим игроком, наводящим ужас на соплеменников. От него разбежались. Однако удача вскорости покинула уйбуя, и, оказавшись за карточным столом в последний раз – напился и позволил себя заманить, – он оставил победителю едва ли не всю казну подчиненной десятки. С тех пор сородичи наперебой зазывали Копыто «поддержать компанию», «поставить хоть чуть-чуть», «рискнуть по маленькой», но уйбуй пока держался.

– Будешь играть?

– Денег нет, мля, – отрезал Копыто.

– Чего тогда пришел? – резонно поинтересовались картежники.

Владельцы «Средства от перхоти» в кредит не отпускали, понимали, с кем торгуют. И дело даже не в том, что бойца могли запросто угробить в ближайшей междоусобице: дикие головы не были приспособлены к длительному хранению информации, и о полученном кредите Красные Шапки радостно забывали едва ли не через минуту.

– Здесь нищим не подают!

Отвечать наглецам Копыто не стал. Зыркнул сердито, многозначительно положил ладонь на рукоять ятагана и медленно прошел по полутемному залу «Средства от перхоти», выбирая, кому упасть на хвост.

Родных Шибзичей в кабаке оказалось до обидного мало, а те, кого удалось разглядеть, при виде уйбуя отворачивались – все ясно, денег мало, поить знаконца не желают. Выпивать с Гниличами не хотелось: Копыто был одним из приближенных великого фюрера Кувалды и отправил на виселицу столько выходцев из этого клана, что застолье вполне могло закончиться ножом в спину. Оставались Дуричи. Тем более что с некоторыми из них Копыто связывали почти родственные узы, с уйбуем Бульжником, к примеру, их едва не повесили в один день.

– Привет!

– Бери, – буркнул Дурич, двигая примазавшемуся Шибзичу стакан виски. – С тебя тост.

Поить приبلуду Бульжнику не хотелось, но некоторое время назад их отношения, несмотря на почти родственные узы, немного испортились – по наводке Дурича Копыто крепко отлупили, – и уйбуй решил сделать примирительный жест.

– Говори.

Мудрить Шибзич не стал:

– За здоровье!

– Не в кассу, но потянет, – заметил боец Маркер.

Красные Шапки дружно выпили и дружно крикнули. Любимый напиток начал приятное путешествие по иссушенному организму, Копыто почувствовал, что меланхолия улетучивается, и пожелал выяснить, что именно не понравилось в тосте привередливому Маркеру.

– Не по теме, – коротко ответил боец.

– Что за тема?

– Внятная.

Уйбуй собрался возмутиться, но вспомнил, что разговаривает с Дуричами, диковинные речевые конструкции которых не всегда поддавались расшифровке. К тому же за виски платил Бульжник.

– Чего пьем, спрашиваю?

– Виски.

– Я вижу, что не кефир, – огрызнулся Копыто. – Что за тема? Праздник, что ли?

– Тогда надо было спросить: почему пьем? – глубокомысленно пробурчал Бульжник. –

А не чего пьем.

– Ну, ты в натуре филорог, мля. Ударениям меня учить собрался?

– Ты кого рогатым обозвал? – лениво осведомился размякший от долгого сидения в «Средстве от перхоти» Дурич. – Я тебе сейчас таких ударениев покажу, что до утра не оклемаешься.

– Праздник сегодня большой, – примирительно сообщил боец Маркер и кивнул в сторону барной стойки, над которой стоял телевизор.

С экрана, предусмотрительно затянутого металлической сеткой, о чем-то вещал великий магистр Ордена Франц де Гир. Звук отсутствовал ввиду бессмысленности – ни один телевизор

не способен перекрыть царящий в заведении шум, но выглядел лидер чудов внушительно и немного трагично.

– Что за праздник?

– День Памяти, – поведал Маркер. – Бывший День Славы.

– Не понял, мля.

– Ну... много тысяч лет назад чуды захватили столицу людов и объявили, что делают на Земле империю. А заодно устроили праздник.

– Выпили?

– Не без этого. И порешили квасить каждый год.

– Типа, понравилось.

– А кому не понравится?

Копыто, почувствовавший в вопросе глубокую суть, кивнул и потребовал продолжения:

– Что дальше?

– А дальше чудов челы поперли. Ну не сразу, там еще какая-то буза была, я не помню.

В общем, империя чудская медным тазом накрылась, те, кто спасся, в Тайный Город смылись. И праздновать стало нечего.

– А хотелось.

– Угу. И тогда они праздник переименовали и продолжили квасить.

– Молодцы! – одобрили сидящие за столом бойцы Бульжника.

– Это по-нашему!

– За это можно выпить!

Сказано – сделано. Стаканы лязгнули друг о дружку, и Красные Шапки выпили за «это».

Копыто отпилил ятаганом кусок ветчины и, пережевывая закуску, осведомился:

– Маркер, а ты в кого такой умный?

– Ты чего дразнишься? – удивился оплеванный боец.

– Ну, ты знаешь все, как было. Истории рассказываешь. – Копыто прищурился. Нехорошо прищурился. Так, будто уличил говорливого Дурича в измене. – Подстрекательством занимаешься?

– Да, Маркер, не по-нашему это, – проворчал Бульжник. – Подозрительно.

– Восхваление чудов и все такое прочее. Будто нам самим нечем гордиться, мля.

– Может, ты специально все это делаешь?

– Учишь презирать семейные ценности?

– Он мне вчера двадцатку вернул, которую должен был, – припомнил боец Отвертка. –

Вот это совсем не по-нашему.

После ТАКОГО обвинения насторожились все сидящие за столом.

– А как бы я тебе ее не вернул, если ты нож к горлу приставил? – чуть не плача, спросил Маркер. Он чуял, что тучи сгущаются, и проклинал свой длинный язык. – И сам карманы обыскал!

– Спалился Маркер. На двадцатке спалился!

– Думаешь, он шпиен?

– Однозначна шпиен!

– На виселице все расскажет.

– Слышь, Бульжник, получается, ты шпиена на груди пригрел?

Уйбуй Дуричей нахмурился. До него внезапно дошло, что если Маркера объявят шпионом и врагом, то и на него падет тень предательства. Не углядел, не усмотрел, не подслушал. А Кувалда после демократических выборов окончательно озверел и за малейшее проявление нелояльности отправлял на виселицу. К счастью, пока Бульжник соображал, как вывернуться из непростой ситуации, Маркер сумел найти нужные слова:

– Да свой я, свой, просто у меня бабушка была.

– У всех бабушка была, – отрезал Отвертка. – Наверное.

– И у шпиенов тоже бабушки!

– Отвечай, паскуда, почему знаешь так много?

– Я когда ногу по малолетству сломал, она мне сказки рассказывала, какие помнила, – всхлипнул перепуганный Маркер. – О Западных лесах рассказывала, о том, как мы людям помогли Землю захватить и империю сделать.

– И ты запомнил? – подозрительно осведомился Копыто.

– Я же говорю: ногу сломал, – пояснил боец. – Как сейчас помню: пришел Аника-чуд злой в доспехах блестящих и прогнал нас из Западных лесов. И рухнул Зеленый Дом в одночасье, потому что не стало у него поддержки мощной. Переломили хребет соломинкой.

Маркер со страхом огляделся. Булыжник, пытаясь сгладить ситуацию, разлил по стаканам виски, и возникшая было пауза заполнилась дружным прихлебыванием традиционного продукта.

– Ладно, боец, – громко произнес уйбуй Дуричей, – вижу, ты все-таки не шпиен.

И покосился на Копыто.

Но Шибзич уже позабыл о выдвинутых обвинениях и найденной измене. В его голову постучалась новая мысль.

– Мля, так это получается, что чуды нас из Западных лесов прогнали?

– Ага, – радостно подтвердил Маркер.

Ему очень понравилось, что проклятый Шибзич переключился на идиотов-рыцарей.

– С исконных наших вотчин прогнали.

– И ветчину тоже забрали, – услужливо кивнул Маркер. – И выпивку.

– Подожди ты с выпивкой. – Копыто неодобрительно посмотрел на вещающего по телевизору Франца. – Это геноцид какой-то получается.

– Получается, что ты у нас умный, а не я, – хихикнул боец. – Вона, слова какие знаешь!

– Филорог...

– Он мне еще за рогатого не ответил, а теперя еще и гиноцит. – Булыжник лихорадочно обдумывал, стоит ли затевать склоку с Шибзичем. – Копыто, ты откуда такие слова знаешь и почему при всех ругаешься?

– Ты слушай, что получается! – Увлеченный Шибзич не понял, что его подбивают на скандал. – Чуды нас с земли прогнали?

– Прогнали, – подтвердил Маркер.

– В изгнание отправили?

– Отправили.

– Местожительства лишили?

– И пропитания лишили, – встрял Булыжник.

– И средств всяческих! – добавил Отвертка.

– И ваще эксплуатировали!

– И даже не извинились, гады! – торжествующе закончил Копыто. – Прикиньте, бойцы, мы ходим как опущенные, а эти рыжие напялят консервные банки и друг перед другом вышагивают, типа, парад, мля. Они в шоколаде...

– В консервных банках, – пискнул Маркер.

– А мы, типа, до сих пор не знаем, почто страдали.

И выпил.

– Ну, ты тренер, – восхищенно произнес Булыжник.

– Во завернул!

– И все это исторически правда!

– Пусть извиняются, гады!

– Перед тобой, что ли?

- И передо мной тоже! Мне, может, Западные леса каждую ночь снятся!
- Да ты там не был ни разу!
- Давай фюреру петицию писать! – предложил Маркер. – Если королева за нас не вступается, пусть мы сами чего-нибудь добьемся! Пусть рыцари извиняются!
- Правильно, мля, – согласился Копыто и оглядел зал. – Есть тут грамотные?

* * *

Вилла Луна

Италия, пригород Рима,

14 декабря, вторник, 11.00 (время местное)

Лучи неяркого солнца играли в зимнем парке. Резвились между ветвей, скользили по слегка заснеженным газонам, пытались проломить тонкую корку льда, затянувшего небольшое озеро. День выдался на редкость ясным, отлично подходящим для приятной прогулки по дорожкам, и веселые лучи звали хозяев роскошного парка: выходите! Вдохните полной грудью прохладный декабрьский воздух. Свежий. Вкусный. Пришурьтесь на солнце! Полюбуйтесь бездонным небом! Насладитесь редкими минутами зимней сказки! Лучи звали играть, лучи дразнились, лучи смеялись... Но владельцы поместья оставались глухи к зову природы. Они прятались в огромном доме и не горели желанием выходить на солнечный свет.

Владельцы поместья предпочитали другое светило.

- Ты плохо выглядишь.
- Я провел в лаборатории всю ночь.
- Очередной опыт?
- Я был уверен, что на этот раз получится.

Стоящий у камина мужчина был стар и лыс. Его крупное, волевое лицо избороздили глубокие морщины, а о некогда густой шевелюре напоминала лишь редкая поросль за ушами и на затылке. Тем не менее никто бы не назвал мужчину дряхлым: годы, хоть и наложили отпечаток на его лицо, еще не согнули, не сломали, не придавили плечи, не сгорбили. В мужчине чувствовались энергия и мощь. Даже сейчас, уставший, он двигался упругой, совсем не стариковской походкой.

У барона Александра Бруджа, самого старшего масана в мире, оставалось достаточно сил, чтобы поспорить с куда более молодыми соплеменниками.

Он подошел к дивану, опустился на подушки и, откинувшись назад, закрыл глаза. В одной руке Бруджа держал бокал с красным вином, а другую вытянул вдоль спинки дивана. Помолчал, расслабился и едва слышно повторил:

- Я был уверен, что на этот раз получится.

Его голос напоминал шуршание листьев в осеннем лесу. Очень своеобразный голос, запоминающийся.

– Тем не менее – фиаско. – Клаудия не сводила глаз с горящего в камине огня. – В очередной раз.

– Силы Алого Безумия недостаточно для снятия навских печатей. Я вытянул из Амулета все, что он мог дать, но проклятые арканы не дрогнули.

На груди барона висел медальон с крупным красным камнем. С очень тусклым камнем – редко, крайне редко Клаудии доводилось видеть легендарное Алое Безумие таким опустошенным. И хозяин, и Амулет Крови были выжаты до предела.

– Может, ты напрасно идешь напролом? Хитростью города брали едва ли не чаще, чем силой.

– Не получается никак: ни силой, ни хитростью. Не получается даже с помощью Барабао.

– Ты подружился с маркизом? – Клаудия провела пальчиком по каминной полке.

Этим утром девушка предпочла черное. Платье открытое на плечах, но строгое – подол юбки скрывает черные туфли. Из украшений – ожерелье черного жемчуга. И почти нет косметики, лишь легкие мазки, подчеркивающие тонкую красоту. С недавних пор Клаудия отказалась от яркого макияжа.

– Ты не упоминал, что Барабао согласился говорить с тобой.

– Забыл... – Александр, не открывая глаз, сделал большой глоток вина. – Я думал, он окажется полезен. Маркиз должен знать, как устроена его тюрьма.

– Он хочет на свободу?

Бруджа помолчал:

– Очень.

Клаудия прошла вдоль камина, рассеянно прикоснулась к бронзовым часам, взглянула на свое отражение в зеркале, остановилась возле столика с вином.

– Ты договорился с Барабао, но все равно потерпел поражение?

– Сантьяга умен, – угрюмо произнес Александр. – Если верить Барабао, то несколько дней вся мощь Источника навод шла на установку печатей. Несколько дней! Ты представляешь, какова их крепость?

– Догадываюсь. – Клаудия криво улыбнулась. – Отец, пожалуйста, налей мне токайского. С недавних пор ей стало нравиться белое полусладкое вино.

Барон поднялся с дивана, подошел к столику и наполнил бокал дочери.

– Мы пытались хитрить, искали обходные пути, но что толку рыть подкоп, если толщина стены бесконечна? – Александр мрачно вздохнул. – Сантьяга не стал мудрить: не плотину поставил, а засыпал русло реки. Все, точка.

Колоду Судьбы создали два великих мага: граф Сен-Жермен, ставший впоследствии Хранителем Черной Книги, и барон Александр Бруджа. Чел вложил в предприятие знания, талант и дерзость, масан – мощь Амулета Крови. И двадцать лет напряженной работы. Двадцать лет упорных поисков и гениальных решений. Двадцать лет титанических усилий. Двадцать лет, чтобы однажды утром небрежно положить на стол палисандровую шкатулку с двумя колодами карт. Усмехнуться и выпить вина.

Колода Судьбы.

Она предлагала одну-единственную игру – пасьянс «Королевский Крест», и, раскладывая его, игрок получал возможность изменить Судьбу, сорвать банк или проиграть все. Придуманное Сен-Жерменом полотно заклинаний тасовало реальные события, создавало благоприятные условия или... бросало в пропасть. Все зависело от расклада, от умения, от хладнокровия и самообладания и от того, насколько активно и правильно вел себя игрок в реальной жизни. Большая игра по большим ставкам.

Сен-Жермен построил игру, задал правила, связал невидимой цепью тысячи арканов... а прагматичный Бруджа ухитрился вставить в узоры графа жульнический ход, гарантирующий приход нужной карты. Сен-Жермен был азартен, а барон не хотел рисковать, не желал, чтобы досадные случайности мешали ему управлять Судьбой. Собирался играть без риска.

Не получилось.

Сначала Бруджу предал граф. Гениальный чел принял помощь барона, понимая, что не сможет создать Колоду без силы Алого Безумия, но делиться артефактом с вампиром он не хотел. Сен-Жермен похитил шкатулку и долгое время не позволял Брудже завладеть ею. Затем почти двести лет барон считал Колоду уничтоженной или захваченной одним из Великих Домов. А когда, наконец, Александр добрался до сокровища, выяснилось, что комиссар Темного Двора, самый беспощадный враг Саббат, навсегда запечатал в артефакте маркиза Барабао – духа честной игры, который расценил введенное бароном дополнительное правило как жульничество.

Круг замкнулся. Великий артефакт вернулся к владельцу, но использовать его Бруджа опасался.

– Ты не хочешь разыграть «Королевский Крест» честно? – негромко спросила Клаудия.

– Ставки слишком высоки, – буркнул Александр.

Девушка пригубила вино, задумчиво посмотрела на блюдо с фруктами и оторвала одну виноградину.

– Насколько я помню, Наполеон обходился без дополнительного правила. Он тщательно продумывал свои действия в реальной жизни, разрабатывал четкие планы, добивался их исполнения, и ему всегда приходили нужные карты. – Красный виноград смешался с белым вином. – Связь Колоды Судьбы и жизни двусторонняя: «Королевский Крест» влияет на события, но правильно рассчитанные поступки помогают в игре.

– Я знаю.

– Тогда что тебя смущает?

– Риск...

– Он есть всегда.

– Но, проиграв «Королевский Крест», я потеряю все. – Бруджа вернулся на диван. – Я еще силен, дочь, еще силен... Но уже стар. Еще сто-двести лет, и даже Алое Безумие не заставит жить мое тело. Я умру. – Барон закрыл глаза. – И поэтому не хочу ошибаться. Не хочу ставить на карту замысел всей жизни.

Клаудия подошла к дивану и прикоснулась к руке отца. Александр улыбнулся, но его глаза остались закрыты. Он устал.

Девушка знала, что барон не станет использовать ставший непредсказуемым артефакт. Бруджа хочет победить, но он прагматичен и упрям. Если Колодой невозможно управлять, значит, следует обойтись без нее, ибо она лишь повышает риск.

– Есть и другой вариант, – задумчиво произнесла Клаудия. – Расскажи кардиналам о Колоде Судьбы, они ведь не знают, что... ты не собираешься открывать «Королевский Крест». Расскажи. Это нормальный блеф. Известие о том, что ты владеешь и Алым Безумием и Колодой Судьбы, сделает их более сговорчивыми. Заставит понять, что настало время перемен. Что следует принять предложение, а не дожидаться, пока ты их раздавишь.

– Время перемен... – эхом отозвались сухие листья.

Клаудия неожиданно опустила на колени, склонила голову и поцеловала руку барона.

– Твой замысел велик, отец, и сейчас он как никогда близок к осуществлению. Нужно быть решительным.

Александр нежно взлохматил волосы девушки, но смотрел он в сторону, на огонь.

– Всему свое время, дочь, всему свое время. Нужно быть и решительным и осторожным, расчетливым. – Голос стал громче. – Угрозами мы только испортим дело. Часть кардиналов и так готова к переговорам.

– Тем лучше.

– А остальные... Если они не испугались Алого Безумия, если они не признают авторитет истинного кардинала, то их не смутит и Колода Судьбы. – Бруджа поднял бокал и посмотрел на огонь сквозь хрусталь и вино. – Честно говоря, я не предполагал, что мне удастся усадить за стол переговоров столько кардиналов.

– Ты часто повторяешь, что от крови устают, – напомнила Клаудия.

– Да, устают. Но не все. – Александр жестко усмехнулся. – Борис не устал.

– Оставь Бориса Захару, – тихо сказала девушка.

Бруджа внимательно посмотрел на дочь.

– Захар не устал?

Клаудия опустила глаза, соединила руки и хрустнула пальцами:

– Устал. Очень устал.

– Но? – с легким нажимом поинтересовался барон.

– Но он сделает все, что должен. Захар понимает, что другого пути нет.

Объединить семью, вернуть вампирам былое величие! Над этой задачей бился Бруджа со времен Раскола. Искал возможности, вступал в союзы, создавал Колоду Судьбы, но... До сих пор его усилия ни к чему не приводили. Не верь никому! Именно этот лозунг, а не абстрактный – «Свобода!» – был главным в Саббат. Каждый может оказаться предателем, каждый может ударить в спину. За что? Чтобы выслужиться перед Темным Двором и уйти в сытую рабскую жизнь. Чтобы отнять твою женщину. Чтобы занять твою территорию, потому что чем меньше останется масанов, тем больше вероятность того, что шпионы Тайного Города не унюхают тебя и не направят в район карателей. Не верь никому! Свобода завела Саббат в тупик. Превратила масанов в крыс, заставила прятаться от всех, заставила опасаться братьев.

Но они считали себя свободными. И гордились этим.

И каждый масан Тайного Города хоть раз в жизни, но задумывался над тем, что он – раб.

А еще они устали убивать друг друга.

И Бруджа принял Захара. Принял и выслушал, хотя еще сто лет назад с удовольствием бы отправил епископа Тречи на солнце. Бруджа пережил идеи Раскола. Бруджа понял, что находится в тупике, и решил вырваться.

Но его смущало, что из тупика придется выбираться рука об руку со злейшим врагом. С комиссаром Темного Двора.

– Направляя к нам епископа Тречи, – продолжила Клаудия, – Сантьяга преследовал свои цели. Но Захар не марионетка.

– Если все пойдет так, как запланировано, Захар обретет большую власть.

– Он не предаст, – твердо ответила девушка.

– Хотел бы я разделить твою уверенность.

– Я – Глаза Спящего, – с неожиданным высокомерием бросила Клаудия и поднялась на ноги. – Ты забыл?

– В первую очередь ты женщина. Влюбленная женщина.

– В первую очередь я твоя дочь.

– Когда речь идет о любви, такие нюансы легко забываются.

Клаудия холодно усмехнулась, а затем размахнулась и бросила бокал в стену. Звон разбитого хрустала привлек внимание барона. Александр перевел взгляд на появившееся на шелке пятно и вздохнул:

– Я хотел напомнить, что не следует терять голову.

– Я – Глаза Спящего, – повторила Клаудия.

– В таком случае, я хотел бы услышать точный прогноз.

– Начни что-нибудь делать, – огрызнулась девушка. – Тогда будущее станет яснее.

Бруджа легко поднялся с дивана – усталости как не бывало, сделал несколько шагов к выходу из комнаты и, не глядя на дочь, произнес:

– Сегодня я буду звонить Густаву.

* * *

Поместье «Rosewood Hill»

Великобритания, 14 декабря,

вторник, 12.03 (время местное)

Усадьба «Rosewood Hill», выстроенная неподалеку от Лондона в начале девятнадцатого века, так и не приобрела статус замка и в реестрах значилась как обыкновенное поместье. В действительности же все знали, что будь хозяева усадьбы более настойчивыми, а главное – более щедрыми, то уже через несколько месяцев они бы жили в настоящем родовом гнезде, в колыбели, так сказать, подлинной английской аристократии. Но владельцев «Rosewood Hill» сложившееся положение устраивало. К тому же скромный статус поместья уберег его и от многочисленных туристов, жаждущих изучить простые дома простых английских помещиков, и от многочисленных обществ по спасению старинных замков, исторического наследия, культурного достояния, национальной гордости и прочего груза имперского прошлого. Разумеется, ревностные хранители английских традиций в лице старых дев и отставных военных неоднократно пытались проникнуть в «Rosewood Hill», дабы удостовериться, что к викторианским стенам относятся с должным почтением. Но, несмотря на внушительные размеры: двести акров земли, парк, пастбища, лес и два искусственных озера, поместье охранялось не хуже Букингемского дворца, и плечистые охранники имели приказ с незваными гостями не церемониться. Старых дев и отставных военных грузили в специально приобретенный для этих целей микроавтобус и вежливо отправляли в ближайшую деревушку, до которой, надо отметить, было почти двенадцать миль.

– Что скажешь, Тедди? – Густав Луминар тяжело посмотрел на епископа клана.

– Насколько я помню, – осторожно ответил тот, – кардинал Бруджа не в первый раз предлагает встретиться...

– Дядюшка одержим идеей объединения, – перебил епископа Густав.

Но Тедди, давно привыкший к манере разговора повелителя, невозмутимо закончил мысль:

– И пару раз Александр предлагал вполне разумные проекты. Насколько я помню, однажды наши кланы действовали сообща.

– Это было давно.

– И тем не менее...

– Это было давно! – Густав вышел из-за огромного письменного стола, жестом велел епископу оставаться в кресле и подошел к книжному шкафу. Постоял, разглядывая тисненые золотом переплеты, и медленно продолжил: – Каждый век – как новая жизнь. Все меняется, на все надо смотреть иначе. Пятьдесят лет назад я бы без колебаний отправился на встречу с дядюшкой. Сейчас – нет.

– Опасаетесь ловушки?

– В том числе.

Тедди покачал головой:

– Александр всегда держит слово. Война могла начаться после: через день, через час, через десять минут, но – не на переговорах. Барон щепетилен в вопросах чести.

– В этом веке тон задают прагматики.

Епископ удивленно поднял брови:

– А когда было иначе?

Густав рассмеялся:

– Хорошо! Скажем так: в этом веке тон задают жесткие прагматики. Очень жесткие. И если дядюшка до сих пор жив, значит, он пересмотрел свои взгляды на вопросы чести.

Кардинал Луминар выглядел типичным бизнесменом, завсегдаем гольф-клубов и справочника «Who is Who?». Строгий костюм, строгий галстук, строгая прическа. Слегка одутловатое лицо, небольшой животик, короткие толстые пальцы, короткие толстые ножки. Голос твердый, но не запоминающийся, и... мало ли в мире сержантов с твердыми голосами?

Не было в Густаве ни одной яркой черточки, не было блеска, не было ауры вожака, которая заставляет подданных бессознательно тянуться к лидеру. Не было и доли величия, которое излучали, например, Александр Бруджа и Борис Луминар. Зато он был умен. Не хитер, не удачлив, а именно умен, и сумел заставить масанов полюбить себя, расположил, завоевал доверие, убедил, увлек и добился того, что о нем, плюгавом коротышке, сложили не меньше легенд, чем о ярких вождях ночных охотников. Лондонский клан Луминар контролировал все острова, север Франции, Бельгию, Нидерланды, север Германии и считался одним из самых мощных в Саббат.

– В последнее время я перестал верить в щепетильность дядюшки, – задумчиво произнес Густав. – Особенно после истории с греческими Бруджа.

Распад кланов Саббат шел перманентно. Очередной гордец объявлял себя вожаком, откалывал от крупного клана небольшую стаю и бесследно растворялся в Человских городах. Истинные кардиналы относились к подобным происшествиям как к неизбежному злу, и тем большее удивление вызвала жестокая расправа, устроенная старым Бруджей греческим сепаратистам.

– Говорят, афинский лидер публично оскорбил Александра, – пробормотал Тедди. – Это личное.

– Нет, – покачал головой Густав, – это знак. Дядюшка показал, что не потерпит дальнейшего распада клана.

– Нереально, – улыбнулся Тедди. – В условиях постоянных «походов очищения» крупные кланы обречены. Ваша власть держится на широкой автономии, которую вы предоставляете вассалам. Стоит закрутить гайки, и ваши приказы станут исполнять только в Лондоне.

Кардинал Луминар поморщился, он понимал правоту епископа. Густав управлял большим количеством масанов, но их лояльность покоилась на зыбком фундаменте. Пока лондонские Луминары сильны, мелкие стаи прислушиваются к словам истинного кардинала, но стоит клану закачаться, как от влияния Густава не останется и следа.

– Тем удивительнее действия дядюшки. Раньше он действовал так же, как и я... – Кардинал Луминар не стал уточнять, что выстроил свое правление по образцу барона Александра. – Теперь же стал показывать зубы.

– Некоторые с возрастом глупеют...

– А мне кажется, что произошли какие-то изменения. – Густав сжал рукоять кинжала. – Я не верю, что дядюшка впал в старческий маразм.

Единственной деталью, никак не сочетающейся с обликом удачливого бизнесмена, был старинный кинжал, висящий на поясе кардинала. Чуть изогнутый клинок прятался в простых ножнах, перехваченных ремешками. Отделанная кожей рукоять, едва заметная гарда и никаких украшений – по всему выходило, что Густав носил боевое оружие, а не церемониальную

железку. На самом же деле на поясе кардинала Луминара висела одна из двух Драконьих Игл, Амулет Крови, древнее сокровище семьи Масан.

– Я встречу с дядюшкой в Кельнском зале, – решил Густав. – Я не хочу рисковать. И еще сильнее сжал рукоять кинжала.

Амулеты Крови не всегда переходили из рук в руки честно. Не каждый истинный кардинал обучал молодого наследника премудростям обращения с могущественным артефактом. Случалось, что владелец сокровища допускал оплошность, погибал от руки удачливого соперника, и новому истинному кардиналу приходилось познавать искусство работы с Амулетом Крови самостоятельно. Впрочем, между артефактом и его хозяином довольно быстро устанавливалась прочная связь, и это гарантировало, что необходимые знания будут приобретены: не желающие оставаться без крови Амулеты подсказывали новому владельцу, что нужно делать.

– Иногда мне кажется, что я родился не в том клане, – негромко произнес Густав, снимая пиджак и вешая его на спинку стула. – Мой ум требует другого артефакта: Алого Безумия или Диадемы Теней, но Игла...

Луминар снял рубашку, оставшись голым по пояс, почесал волосатый животик и продолжил:

– Игла любит воевать, а я – плести интриги. Нам бывает скучно, но мы научились уважать друг друга. И я знаю, что в нужный момент мой Амулет не подведет. Мой ум и его сила – вот залог успеха.

На полу подземного зала черным камнем был выложен шестиугольник. Сейчас его контуры излучали голубоватое сияние, в дымке которого появлялись и исчезали иероглифы масари.

– Ваши жизни уйдут ко мне, друзья, и вы продолжите убивать даже после смерти. – Густав помолчал. – Разве это не прекрасно?

«Друзей» было трое. Они молча стояли в вершинах шестиугольника, и каждый держал в руке ритуальное оружие: меч, топор и булаву. Еще три вершины оставались пустыми: вторая Драконья Игла принадлежала другому кардиналу, который проводил аналогичную церемонию на копье, стреле и молоте.

– Вы продлите свои никчемные жизни и окажете неоценимую услугу истинному кардиналу. Я бы на вашем месте гордился подобной участью.

Луминар встал в центре шестиугольника, закрыл глаза и, взявшись за рукоять двумя руками, поднес кинжал к лицу.

Голубое сияние загустело, стало плотным и вязкой стеной отделило ритуальную площадку от остального мира. А вот белые иероглифы, появлявшиеся в дымке, исчезли, или, возможно, переместились? Ибо на гладком клинке Драконьей Иглы проступили древние символы.

Ноздри Густава раздулись.

– Кровь, – прошептал он. – Я чувствую кровь.

Стоявшие в вершинах шестиугольника масаны зашевелились, сковывавшее их заклинание перестало действовать, и разъяренные вампиры бросились на истинного кардинала...

Семь кланов семьи Масан. Семь Амулетов Крови. Семь истинных кардиналов, великих магов, способных поспорить с лучшими колдунами Тайного Города. Конечно, магия крови не могла соперничать в мощи с классическим искусством Великих Домов, основанном на использовании Источников. Но нет правил без исключений, и Амулеты выводили своих обладателей на необычайно высокий уровень.

Диадема Теней Робене, сокровище Тьмы, позволяющее прикоснуться к таинствам, доступным лишь навам.

Алое Безумие Бруджа, рубин колоссальной мощи.

Драконьи Иглы Луминар, Амулет безумного, беспощадного боя.
Каменные Глаза, которыми удивляли своих подданных истинные кардиналы Трехи.
Железный Пояс Гангрел, наделяющий армии клана колоссальной силой и выносливостью.

Крылатый Перстень, принадлежавший некогда клану Носферату. С его помощью истинные кардиналы уродцев умели оборачивать своих подданных в не боящихся солнечного света летучих мышей.

Мертвая Роза Малкавиан, опутывающий предплечье золотой стебель и пышный цветок, вырезанный из черного бриллианта. О возможностях этого Амулета ходили самые невероятные легенды.

Семь истинных кардиналов правили со времен становления семьи Масан, однако многочисленные войны и внутренние конфликты привели к тому, что лишь трем кланам удалось сохранить старинные реликвии. Диадема Теней Робене, Алое Безумие Бруджа и Драконьи Иглы Луминар. При этом Густава и его двоюродного брата Бориса трудно было назвать истинными кардиналами. Совместно уничтожив старого Ги Луминара, родственники честно поделили захваченную пару кинжалов и разошлись: Густав остался в Лондоне, а Борис увел свою часть клана в Нью-Йорк. Каждый из них именовался истинным, но ощущал неполноценность титула и не упустил бы возможность собрать Амулет целиком.

А потому не было ничего удивительного в том, что когда голубое сияние исчезло и опьяненный кровью Густав вышел из шестиугольника, он сразу же подумал: «Интересно, братец, а ты получил предложение от дядюшки?»

Собирает ли барон всех истинных кардиналов или хочет говорить только с Лондоном? Или, сговорившись с Нью-Йорком, решил заманить Густава в ловушку? Или предложит совместно уничтожить Бориса?

Густава била крупная дрожь, ставший немислимо тяжелым кинжал оттягивал руку, ноги подгибались, но голова, как всегда после церемонии, оставалась ясной. Луминар медленно опустился на стул, вернул Иглу в ножны и продолжил размышления.

«Бруджа умен и продумывает каждый ход. Что он хотел показать, справляясь с греческими сепаратистами? Свою силу? Свои намерения? Или перспективу? Подобный знак можно расценить как глубокую уверенность в будущем, которое Бруджа видит только в объединении семьи. Пока усилия были напрасны, старик вел себя с сепаратистами как все. Возникает вопрос: на чью поддержку он рассчитывает теперь?»

– И на чью поддержку могу рассчитывать я?

Густав устало потер лоб.

Подобно Брудже, кардинал Луминар прекрасно понимал, в каком тупике оказалась семья, и хотел перемен. Но в первую очередь Густав думал о себе. Начало Расколу положили истинные кардиналы: именно Бруджа, Робене и Луминар отказались подчиниться Великим Домам и начали гражданскую войну. Возможен ли вариант, что барон спятил и решил истребить лидеров Саббат? Но с чьей помощью? Ответ казался очевидным и невероятным одновременно. Густав не хотел в него верить, но отдавал себе отчет, что других вариантов быть не может.

«Старик договорился с навами...»

– С такими картами, дядюшка, ты меня побьешь. Значит, мне тоже нужны козыри.

Где их взять, кардинал Луминар придумал давно. Оценил привлекательность для возможных союзников, просчитал последствия и решил, что затея вполне жизнеспособна: ему есть что предложить на переговорах. Придумал и отложил: до сих пор у него не было причин начинать столь сложную интригу. Сейчас, похоже, выхода не осталось.

Кардинал вытащил из кармана пиджака трубку мобильного телефона и набрал номер:

– Тедди!

- Да, Густав.
- Тот юноша с горящими глазами, о котором ты упоминал месяц назад... На него еще можно рассчитывать?
- Конечно.
- Свяжись с ним.

* * *

Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 14 декабря, вторник, 15.59

Великий фюрер Красных Шапок был дикарем необычным, в чем-то – уникальным. И дело даже не в том, что он сумел стать первым, – лидеры в семье менялись с дивной регулярностью, и иногда на вершину заносило удивительных кретинов. Необычность одноглазого заключалась в том, что, дорвавшись до власти, Кувалда умудрился надежно закрепиться на троне и достойно отражал атаки оголтелых сородичей. Невысокий Шибзич, бывший в свое время фюрером самого слабого клана, умело юлил между Великими Домами, когда надо угождал, когда надо уходил в тень, не забывал жестоко расправляться со смутьянами и тут же бросать подачки наиболее опасным уйбуям. Любителям порассуждать о низких умственных способностях дикарей следовало бы понаблюдать за Кувалдой и убедиться, что у любого правила бывают исключения: рулить непредсказуемой семейкой столь длительный срок – это, знаете ли, искусство.

– И не надейся! За такую цену я тебе сам эти железяки продам!

– А где ты такие найфешь?

– Кувалда, – Урбек Кумар с иронией посмотрел в единственный глаз фюрера. – Ты хочешь сказать, что у меня нет связей?

– Я хочу сказать, что за такую цену тебе никто их не профаст! – продолжил гнуть свое великий фюрер. – А если профаст, то значит, это буфут ворованные железяки. А зачем тебе тоже ворованные, если я тебе уже ворованные префлагаю?

Все Шибзичи шепелявили, но у Кувалды характерная клановая особенность была выражена очень сильно. Впрочем, Кумар не в первый раз вел диалог с фюрером и прекрасно понимал высокопоставленного собеседника.

– А вефь товар какой, Урбек! Золото!

– Железо, – машинально поправил одноглазого Кумар.

– Несгораемое! Невскрываемое! На кофвых замках есть, и на электрических замках есть...

– Электронных.

– Берешь?

Урбек кисло поморщился.

Разумеется, скупщика краденого не волновало, где именно дикарям удалось стащить два вагона разнокалиберных сейфов. Куда пристроить железный хлам, Урбек, в общих чертах, представлял, оставалось убедить Кувалду не жадничать и согласиться на предложенную шасом цену. Обычно это удавалось, но сегодня одноглазый уперся: вырученная сумма должна была закрыть взятый у Торговой Гильдии кредит на выборы, и отступить фюрер не собирался.

– Берешь?

- А если не возьму?
 - Я их еще кому-нибудь профам. Этому... Субару Хамзи, – выдал одноглазый давно заготовленный ответ.
 - Субар цены не даст, – заметил Кумар.
 - Фаст, – улыбнулся Кувалда. – Он вефь тебе этот... конкрет!
 - Конкурент.
 - Не важно. Главное, что он цену фаст.
 - А если не даст?
- Фюрер задумался, ответ на этот вопрос он не репетировал. Урбек же выдержал недлинную паузу и снисходительно заключил:
- Соглашайся, Кувалда, соглашайся.
 - А если и Субар цены не фаст, – менее уверенно произнес одноглазый, – то я королеве пожалуюсь. Скажу, что у вас, типа, монополия. И сговор. Гфе это вифано, чтобы барыгам сговариваться и цены не фавать?
 - Я не барыга, – высокомерно бросил Кумар. – Я эксперт по трофеям.
 - Не хотел тебя обижать, – торопливо поправился фюрер. – Я, типа, Субара имел в вифу. Только его. Вот он – барыга.
 - Почему я должен терпеть твое хамство?!
 - Но я же извинился!
 - Никакого уважения не стало...
- Урбек собирался сыграть в оскорбленные чувства. Сначала закатить образцово-показательную истерику, заставить одноглазого попотеть как следует, после чего надавить и вышибить приемлемую цену на несчастные сейфы, но...
- Мля, Кувалда, какого хрена меня не пускают?!
- В распахнутую мощным пинком дверь влетел Копыто. В правой руке уйбуй держал обнаженный ятаган, как ни странно, не окровавленный, а в левой – какую-то бумагу.
- Нюх потеряли, в натуре, я говорю: у меня дело. А они...
- Урбек поджал губы. Опытный актер понимал, что продолжать спектакль в изменившихся обстоятельствах не имело смысла.
- Почему без фоклафа?! – рывкнул осатаневший Кувалда.
- Копыто побледнел.
- Твое высокопревосходительство великий фюрер... ты же сам всегда разрешал...
 - Что разрешал? Фвери сносить разрешал?! Орать разрешал?!!
 - Орать не разрешал... – Уйбуй судорожно сглотнул и спешно убрал ятаган в ножны. – И ничего не разрешал. Только приходиться разрешал...
 - Совсем распустились, олухи! Я что, мало вас вешаю?
 - Нормально ты нас вешаешь, – пролепетал Копыто. – Совсем не мало.
 - Ты как смеешь...
 - Заканчивай цирк, – буркнул шас, обращаясь к Кувалде. – Пришел боец...
 - Уйбуй, – робко, но с достоинством, заметил Копыто.
- Урбек засопел.
- Раз пришел, значит, надо. Спроси, что придурок хочет, и пусть убирается. – Кумар демонстративно посмотрел на часы. – Я тороплюсь.
 - Чего тебе нафо? – поинтересовался Кувалда.
 - Вот.
 - Что вот?
 - Петиция, твое высокопревосходительство...
 - Фай сюфа!

Великий фюрер выдернул бумажку из ослабевших уйбуйских рук и пару минут водил пальцем по строчкам.

– Что за хрень?

– Это по поводу Западных лесов... – подобострастно объяснил Копыто. – Типа, мы там жили, а чуды нас, в натуре, выгнали. Очень плохо поступили, мля.

– И что Запафные леса?

– Хотите их обратно? – полюбопытствовал Кумар.

– А можно? – удивился уйбуй.

Кувалда с неожиданным интересом посмотрел на шаса, а тот, сполна насладившись физиономиями обнадеженных дикарей, расхохотался.

– Никто нам их не отфаст, – сделал вывод погрустневший Кувалда.

– А обратно и не надо, – замотал головой Копыто. – Ну их в пень, чо мы с ними, в натуре, делать станем? Челы небось все деревья уже поспиливали, лазать негде... Не, обратно не надо. Мы тебе, твое высокопревосходительство, про чудов петицию накатали. Пушай они перед нами извиняются!

– За что?

– За геноцид, мля.

– За какой геноциф?

– Так ведь они нас выгнали.

– Откуфа?

– Из Западных лесов. – Уйбуй вытер пот. – Там же все написано. Мы даже у челов в словаре посмотрели. Есть такое, геноцид называется. Это когда захватывают и вешать начинают всех подряд. Или еще чего делать начинают, в натуре, а уже потом вешать. Очень плохо, мля, очень нервно. И вообще пускай извиняются. Мы ведь Родину потеряли. – Копыто горестно вздохнул. – Родину, великий фюрер! Чуды ее испоганили и оккупировали.

Но одноглазый не разделил патриотической печали верного уйбуя.

– Бреф.

И приготовился петицию порвать.

– Братец, а насчет контрибуции в бумаге написано? – неожиданно спросил Урбек. – Извинения извинениями, но ведь вы действительно Родину потеряли. Чуды ее у вас оккупировали, а вы потеряли.

Фюрер с таким недоумением посмотрел на шаса, что тот понял: надо развить мысль.

– Вы ведь не просили, чтобы вас выгоняли?

– Не просили.

– Значит, надо требовать контрибуцию. В смысле, эту... компенсацию. В общем – деньги. – Кумар перевел строгий взгляд на Копыто: – Написали?

– Конечно, написали, – живо подтвердил уйбуй. – Тока мы не знали, сколько писать, поэтому место оставили. Вот тут, гляди: и для циферок место, и для прописью место.

Палец скользнул по нужным строчкам исторического документа.

– Контрибуция, это когфа про феньги пишут? – уточнил вождь дикарей.

– Ага.

Кувалда потерял желание рвать петицию. Напротив, теперь засаленная бумажка вызывала определенное уважение. Одноглазый хорошо знал шасов и понял, что Урбек неспроста заинтересовался идеей Копыто.

– Мы прямо так и написали, – добавил осмелевший уйбуй. – Мол, слушайте нас, чуды, давайте извиняйтесь за прошлое и еще денег давайте на прокорм и обустройство на новом месте. Ну там, суточные, командировочные, подъемные... Мы много места оставили, чтобы вписать можно было все, что придумаем. По справедливости, мля.

Кувалда прикрыл единственный глаз и попытался представить великого магистра Ордена. Вот он скучает на троне, вот ему читают петицию, вот он приходит в бешенство... Богатой фантазией Красные Шапки не страдали, поэтому фюрер не мог достоверно предположить, во что именно выльется гнев Франца де Гира. Но понял, что будет очень и очень плохо. Отчетливо понял. После чего открыл глаз и презрительно повертел в руке бумажку.

– «Срефство от перхоти» пора закрывать. Половина бойцов в кабаке живет. Порой фо смешного фохофит – банки грабить некому.

– Это ты к чему? – рассеяно поинтересовался Кумар.

– От большого количества виски мысли непотребные в головах появляются, – объяснил Кувалда. – Вместо того чтобы феньги фобывать и по февкам бегать, прифумывают черт знает чего.

Копыто уныло опустил голову.

– Насчет кабака не знаю, тут тебе виднее... – Урбек вывалился из глубокой задумчивости, но было видно, что шас продолжает размышлять над неожиданно наклюнувшимся проектом. – А вот в предложении здоровое зерно есть.

– Ты про контрибуцию? – Кувалда прищурил единственный глаз.

– О ней, родимой, о ней, – кивнул Кумар.

– Чо, большие феньги можно стрясти?

Шас неопределенно пожал плечами.

Фюрер прекрасно понимал, что ни он, ни его верные бойцы столь сложное дело не потянут. Скорее по шапке получают от разъяренных рыцарей. А вот шасы, верные вассалы Темного Двора, авантюры не чурались, понимали, что прикрывает их широкая спина Сантьяги, связываться с которым ни чуды, ни люды лишней раз не станут.

– Ты эта... – Кувалда достал бутылку виски. – Ты сейфы возьмешь?

– Возьму, – махнул рукой Урбек.

– А этой... петицией займешься? Станем чуфов на бабки ставить?

– Подумать надо, – признался Кумар. – Один я такой проект не осилю. Тут, братец, подход требуется.

* * *

Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь

Москва, проспект Вернадского,

14 декабря, вторник, 19.21

Вопреки утверждениям официальной науки, человечество было далеко не первой расой, сумевшей утвердиться под светом Солнца. Ожесточенные войны за обладание благодатным миром шли с незапамятных времен. Асуры, навы, люды, чуды – всем им удалось побывать на вершине; они основывали великие империи, процветающие государства, вызывавшие зависть во Внешних мирах, но рано или поздно уступали напору более молодых и агрессивных народов. Упадок, как это принято, сопровождался грандиозными войнами, порой потрясавшими основы мироздания, власть на планете менялась, а оставшиеся в живых побежденные исчезали.

И оказывались в Тайном Городе, в месте, давным-давно выбранном в качестве идеального укрытия. В убежище, где старым врагам приходилось учиться уживаться друг с другом. В поселении, жители которого точно знали, откуда появились люди, а некоторые из них, возможно, лично наблюдали за становлением нынешних властителей Земли.

– Сегодня мы чтим память тех, кто не вернулся с полей сражений, тех, кто умер от ран и болезней, в честном бою или от удара в спину. Мы чтим память всех, чья жизнь была служением Ордену. Мы вспоминаем воинов, покрывших славой алые знамена Великого Дома Чудь. Мы вспоминаем магов, искусство которых умножало мощь Ордена. Мы вспоминаем всех, кого нет среди нас. Братьев и отцов, рыцарей и мыслителей, героев и вождей. Они сделали все, чтобы мы жили! И до тех пор, пока мы будем помнить! До тех пор, пока мы будем жить по их заветам! До тех пор, пока будем понимать, что сила наша – в единстве! Мы будем непобедимы!

– Чудь! – выдохнула толпа.

– Сила – в нас! Суть Ордена – в нас!

– Чудь!!

Франц де Гир воздел к небу руки:

– Каждый из нас умрет, но Орден – вечен!

– Чудь!!!

Великий магистр едва заметно улыбнулся.

Франц проводил не первую торжественную церемонию в жизни. Он умел завести подданных, умел заставить их дышать в унисон, проникаться гордостью, патриотизмом, чувствовать себя не просто чудами, а членами великой семьи – речи де Гиры считались образцом ораторского искусства. Но День Памяти великий магистр выделял особо. Он знал, как дорог чудам этот праздник, а потому продумывал свои выступления особенно тщательно.

– Когда великий Цун ле Го встал на путь становления...

Штаб-квартира Великого Дома Чудь занимала три высокие башни на проспекте Вернадского. Стекло, бетон, тарелки спутниковых антенн – официально в зданиях размещалась транснациональная корпорация «Чудь Инс.», и внешний вид строений полностью соответствовал вывеске. Но если бы какой-нибудь чел случайно, благодаря необычайному везению или стечению обстоятельств, попал бы сейчас во внутренний дворик Замка, он был бы, мягко говоря, удивлен. Возможно, он бы решил, что оказался на карнавале или на съёмочной площадке или сошел с ума.

Штандарты лож, штандарты гвардии, гербы мастерских. Огромный единорог встал на дыбы и грозит невидимому врагу. Знамена приспущены. Рыцари в традиционных одеждах Ордена: шитые золотом и серебром камзолы, плащи с гербами лож, церемониальные кинжалы. Цвета одежд, учитывая обстоятельства, приглушенные, преобладает бордовый. Снега нет и следа – несложная задача для умелых колдунов, и подковы сапог цокают по камням.

– В огне этой войны ковались каноны Великого Дома! Мы победили! Мир принадлежал нам!!

– Чудь!

День Памяти не являлся официальным праздником, тем не менее на нем всегда присутствовали представители остальных Великих Домов Тайного Города. Правила старинной вражды подразумевают взаимоуважение, а потому, несмотря на то что подавляющее большинство поминаемых рыцарей полегло в сражениях с навами и людьми, посланцы Темного Двора и Зеленого Дома демонстрировали приличествующую случаю скорбь в отведенной для них ложе.

– Странный выбор дня для грусти, вы не находите?

– Зима, – скусающий в соседнем кресле Сантьяга пожал плечами и улыбнулся. – У всех минорное настроение. Кто-то усаживается у камина, листает книгу или смотрит на огонь, а кто-то идет грустить на улицу.

– Я имела в виду другое – день. – Подумала и пояснила: – Дату.

Жрица Зарина совсем недавно вошла в число избранных колдуний Зеленого Дома и еще не обладала достаточным опытом, чтобы беседовать с комиссаром Темного Двора. В смысле – беседовать без последствий. Себе самой молодая колдунья представлялась прожженной интриганкой, дремлющий нав казался мирным, да и к чему может привести брошенное вскользь замечание? Вызвать две-три ответные, ничего не значащие фразы?

– А что не так с датой?

Зарина покосилась на площадку: речь Франца продолжалась, и прошептала:

– Четырнадцатое декабря. Это день величайшей победы Великого Дома Чудь.

– Чуть громче, пожалуйста, – попросил Сантьяга. – И не беспокойтесь о приличиях: чуды слишком увлечены, чтобы обращать на нас внимание.

Молодая жрица не решилась повышать голос, она чуть подвинулась к собеседнику и повторила:

– Четырнадцатое декабря – это день величайшей победы Великого Дома Чудь.

– Я что-то слышал об этом, – не стал скрывать Сантьяга и тоже подвинул кресло. Теперь они едва не касались друг друга. – Занятое совпадение, не так ли?

– Грустить в день победы?

– Даже челы не устраивают праздники в честь поражений.

– Но зачем приурочивать День Памяти к какому-то событию? Выбрали бы нейтральную дату.

– Так сложилось.

Темные глаза нава были так близко, смотрели столь внимательно... Сантьяга всем своим видом показывал, что крайне заинтересовался беседой и с нетерпением ожидает следующей фразы.

– Да, разумеется... – Зарина вдруг подумала, что сопровождающие ее фаты наверняка донесут королеве о перешептывании с комиссаром. – Кажется, великий магистр закончил свою речь...

– Его сменит Гуго де Лаэрт, мастер войны. – Сантьяга тонко улыбнулся. – Чуды очень стараются внести в свои праздники хоть какое-то разнообразие, но, увы, безрезультатно.

– Зато торжественно, – невпопад заметила жрица.

– Им следовало бы нанять концов. На мой взгляд, церемонию не мешало бы несколько оживить.

– ...они умирали, но не уходили с рубежа!

– Чудь!

– Да, концы умеют, – пробормотала жрица.

– И еще как.

Зарина, внезапно припомнившая некоторые эпизоды из своей биографии, потерялась окончательно. Ей стало казаться, что комиссар все знает о ней и... Конечно, в этом не было ничего зазорного, но неудобно, если нав...

– Кстати о концах. Вы слышали о новом шоу Птиция?

– Я не собиралась на премьеру. – «Пора заканчивать беседу!»

– Отчего?

– Меня ждет королева Всеслава, – весомо ответила жрица. – Я должна доложить...

– О том, как четыре часа слушали рыцарские сказки? – Сантьяга положил ладонь на руку покрасневшей Зарины и невинным тоном добавил: – Дорогая Зарина, поверьте, ее величество прекрасно понимает важность этого доклада и не станет тратить на него вечер.

– Королева Всеслава серьезно относится к своим обязанностям, – сообщила одна из фат. Сантьяга, не снимая ладони с запястья жрицы, обернулся к ее спутницам:

– Так получилось, что в «Ящеррице» для меня зарезервирован столик на четверых...
Неподалеку от сцены, разумеется.

– ...штурм увенчался успехом!

– Чудь!

Колдуньи дружно сверкнули зелеными глазами.

* * *

Клуб «Ящеррица»

Москва, Измайловский парк, 15 декабря, среда, 00.37

Премьеру своего нового, потрясающего и грандиозного (а какого же еще?) шоу Птиций приурочил к празднику в Ордене, специально подгадал, рассудив, что грустившим в течение всего дня чудам к вечеру потребуется эмоциональная разрядка. А что может быть лучше нового представления от известного режиссера? Правда, первоначально лидеры Великого Дома Чудь отнеслись к затее хитроумного конца с сомнением, заметив, что устраивать в День Памяти веселенькое представление не совсем правильно. Но Птиций выкрутился. Во-первых, он перенес начало на час ночи («Это уже следующий день, господа!»), а во-вторых, клятвенно пообещал, что мероприятие будет менее фривольным, чем обычно («Чинное и даже торжественное шоу станет достойным продолжением величественного праздника!»). В случае необходимости конец умел быть весьма убедительным, и его пламенная речь привела к тому, что в «Ящеррицу» собрался сам де Гир. Новость мгновенно распространилась по каналам «Тиградком», и верноподданные чуды принялись в массовом порядке заказывать столики. Остальные любители развлечений не отставали, что гарантировало премьеру аншлаг.

– Какое безобразие! – не выдержала Инга. – Кто-нибудь помнит, чтобы в «Ящеррице» творился подобный бардак?

– Нет, – пробурчал Кортес.

– Птиций зажигает, – вздохнул Артем. – Приглашение де Гира – гениальный ход.

– А мы почему страдаем?

– Мы жаждающая зрелища толпа, нам положено страдать, томиться, преодолевать препоны, прорываться к сцене и там визжать от восторга. Таковы правила игры.

– Знаешь, что я думаю об этих правилах? – прищурилась Инга.

– Догадываюсь, – улыбнулся молодой наемник.

– Когда Птиций в следующий раз соберется на наш курорт, поселим его в самом захудалом номере, – предложила Яна. – С окнами на помойку.

– У нас нет таких номеров, – печально заметил Кортес, попутно припомнив, что на эту тему сегодня уже был разговор.

– Построим!

Наконец после двадцати минут ожидания наемники подъехали к «Ящеррице», остановили «Навигатор» у главного подъезда, получили жетон от парковщика и, оставив ключи в замке зажигания, чинно направились в клуб. Упрекнуть обслуживающий персонал не рискнула даже острая на язык Инга: молодые концы суетились как могли, но не успевали справляться с потоком гостей.

– Надеюсь, наш столик не окажется занятым.

– Уверена, до такого Птиций не опустится, – улыбнулась Яна, сбрасывая шубку подошедшему гардеробщику.

От столика метрдотеля послышалось восхищенное сопение.

– Какие гости! – Фунций, правая рука Птиция, подлетел к девушке. – Яна, вы неотразимы!

Короткое алое платье плотно облегалo спортивную фигуру девушки, оставляя открытыми плечи и руки. Немного драгоценностей: рубиновые серьги и ожерелье.

– Позвольте, я лично провожу вас к столику! – продолжил Фунций.

– Остальные гости обидятся, – улыбнулся Кортес, галантно подавая своей женщине руку. – Но все равно спасибо.

Конец вздохнул, но спорить не стал. Восхищенно проводил глазами удаляющуюся Яну, затем подарил такой же взгляд Инге, выбравшей в этот вечер нечто воздушное, серебристое, затем Фунций обласкал взором супругу обер-воеводы Крепкобая, затем... Тяга концов к прекрасному общеизвестна, а потому метрдотель не оставлял без внимания ни одну входящую в клуб гостью.

– Шампанского?

– Чуть-чуть.

Охлажденное до нужной температуры вино, охлажденная до нужной температуры черная икра, фрукты – Сантьяга непринужденно угощал зеленых колдуний, вызывая всеобщий интерес. Зарина чувствовала сотни любопытных взглядов и мысленно кляла себя за малодушие.

«Надо было сразу отказать проклятому комиссару! Надо было проявить твердость!»

Вместо этого она позволила увлечь себя в «Ящеррицу», продефилировала через весь зал рядом с черноволосым франтом, и... и... Икра! Вино! Неслыханно! Жрица догадывалась, какотреагирует на подобное поведение королева Всеслава. Хорошо еще, что рядом две фаты, которые... Впрочем, кинув быстрый взгляд на помощниц, жрица поняла, что рассчитывать на их поддержку не следует. Молодые колдуньи с интересом разглядывали рассаживающихся за столики рыцарей, охотно смеялись над шутками Сантьяги – одним словом, собирались хорошо повеселиться за счет щедрого комиссара.

«Ладно, девочки, после поговорим...»

– Челы – прекрасные виноделы. – Кресло нава оказалось совсем рядом, так что Сантьяга не говорил, а практически шептал: – Даже шасы, когда занимались земледелием, не добивались подобных успехов.

Жрица сама не заметила, как поднесла к губам бокал с шампанским.

– Великий магистр! Я счастлив, что вы любезно согласились...

Птиций лично сопровождал Франца де Гира в ложу, торопливо семенил чуть слева от широко шагающего рыцаря и попутно выливал на вождя Ордена поток неподдельной радости. Де Гир вежливо внимал, кивал приветствующим его гостям, даже улыбался, но – официально. Чуть отстраненно. Франц впервые приехал в клуб в ранге лидера Чуди, он надеялся немного отдохнуть, вспомнить старые времена... и вдруг понял, как много изменилось. КАКОЙ длины шаг он сделал. Прошлое ушло, умерло. Это раньше, будучи просто рыцарем, и даже мастером войны, он навещался в «Ящеррицу», чтобы расслабиться, а то и выпить в компании того же самого Птиция.

Раньше.

Сейчас за каждым его жестом следит весь Тайный Город.

«Смотри шоу и веди себя чинно...»

Захотелось плюнуть и уехать.

– Отсюда открывается самый лучший вид...

Последние слова конца потонули в грохоте: чуды бурно приветствовали появившегося в ложе вождя.

– Птиций, спасибо.

Он не должен был этого говорить. Максимум – удостоить трактирщика легким кивком. Но Франц не мог не сказать. Толстяк все понял, склонился в благодарном поклоне, на мгновение его улыбка стала грустной... но лишь на мгновение.

– Разрешите начинать шоу?

– Начинайте.

– Тогда я побежал.

Конец скрылся. Великому магистру подали кубок с вином, и Франц сделал шаг вперед: прежде чем начнется шоу, он должен поприветствовать подданных.

«Нужно передать записку де Гиру!»

Сказать легко, а как сделать? Стен Гангрел угрюмо посмотрел на двух рыцарей, вставших у двери в ложу. Не пройти. Не просочиться. Впрочем, просочиться-то как раз можно: обратиться в туман, нырнуть в систему вентиляции... Но что дальше? Подойти при всех к великому магистру и протянуть конвертик? Вам, мол, письмецо из Лондона. Один из лидеров Саббат просил передать.

Тедди Луминар честно предупредил, что не знает, как отнесутся к письму, а соответственно и к посланнику, чуды. Возможно, заинтересуются, в этом случае тайна сохранится, и жизни Гангрела ничего не будет угрожать. Возможно, отвергнут предложение, и тогда о молодом вампире, снюхавшемся с мятежниками, немедленно сообщат в Темный Двор.

А попадаться Стену не хотелось. Молод еще попадаться, жить надо.

С другой стороны, нужно во что бы то ни стало выполнить приказ Густава Луминара, истинного кардинала Масан. Истинного! Стен с благоговейным трепетом относился к истории семьи, дрожал от восторга, читая о подвигах легендарных героев, и с горечью понимал, что масаны утратили былое величие. О какой семейной гордости можно говорить, если приходится соблюдать унижительные Догмы Покорности? Хозяева же Амулетов Крови казались Гангрелу воинами без страха и упрека, настоящими охотниками, не побоявшимися бросить вызов Тайному Городу, готовыми умереть ради идеалов семьи, ради настоящей свободы. И Стен согласился рискнуть.

Но как передать проклятую записку?!

Приказ пришел днем, Тедди просил действовать как можно быстрее, и сначала Стен решил, что выполнить задачу будет легко. Все знали, что вечером великий магистр появится в «Ящернице», и молодому вампиру казалось, что в клубе де Гир станет более доступен, чем в Замке. Казалось...

Гангрел почувствовал взгляд масана и резко обернулся: по коридору в компании двух концов шел епископ Трети.

– ...а она говорит: «Дорогой, познакомься, это Харций!»...

«Захар!»

Стен с трудом подавил приступ панического страха. Ходили слухи, что железный епископ видит предателей насквозь, что от его взгляда не укрыться, что он подозревает всех и беспощаден к изменникам.

Трети удостоил молодого масана кивком и ушел, хохоча над шуткой одного из спутников. Стен перевел дыхание.

«Как же, черт побери, передать письмо?»

После того как он добился главной цели – организовал аншлаг, Птиций принялся ломать голову над тем, как пройти по лезвию. Как сделать так, чтобы, с одной стороны, не затронуть

чувства чудов, с другой – не разочаровать поклонников, привыкших, что в «Ящеррице» царят достаточно свободные нравы, а постановки Птиция скорее пикантны, нежели чинны. При этом с чудами тоже не все ясно: наверняка рыцари примчатся в клуб с твердым намерением повеселиться, пусть и сдержанно. Впрочем, сдержанность легко исчезает после третьей рюмки...

Учитывая все эти обстоятельства, несложно представить, ЧТО творилось на репетициях в последнюю неделю перед премьерой. Птиций орал. Птиций негодовал. Птиций топал ножками, закатывал истерики и оскорблял всех, кто оказывался рядом. Птиций четыре раза менял сценарий и едва не убил композитора. Птиций почти не спал и похудел на двенадцать унций.

За эту неделю Птиций ни разу не был с женщиной.

И у него получилось!

«Терракотовые одалиски» – примерно два взвода красавиц, выкопанных экспедицией шасов неподалеку от знаменитой «Терракотовой армии», произвели фурор. И были посрамлены те, кто предполагал, что грубые человеческие големы, провалявшиеся в захоронении тысячи лет, порадуют лишь любителей седой старины.

Птиций вытянул, Птиций смог.

Он реанимировал заложенные старыми мастерами голоса, восстановил поврежденные пальцы – некоторые големы играли на лютнях, загнал своих хореографов в библиотеки и сумел воссоздать древние танцы. Он не стал править пластику, оставив в неприкосновенности манеру движения кукол, и оказался прав – некоторая угловатость придала терракотовым красавицам дополнительный шарм.

Никто не заметил, как пролетели полтора часа представления.

А когда каменные танцовщицы остановились, зал взревел от восторга.

Зарину спас барон Святобор.

Впрочем, Сантьяга и сам был не против избавиться от зеленых колдуний. Едва умолкли оглушительные аплодисменты, комиссар поднялся из-за столика и с улыбкой произнес: «Зарина, думаю, нам следует поздороваться с Францем». Жрица простонала, что не сможет его сопровождать, – Спящий свидетель, это стало бы вершиной позора! – и позволила Сантьяге отправиться одному. Потеряв нава из виду, Зарина собралась было скрыться, но подумала, что подобный шаг станет доказательством трусости. Остаться за столиком не хочется... Убегать стыдно... Что делать?

Другими словами, барон явился жрице в момент сильнейших душевных терзаний.

– Я удивлен, Зарина, что вы позволили сопровождать себя...

– Спасите меня, – прошептала несчастная женщина. – Прошу, останьтесь со мной!

Святобор был стар и умен. Он знал, каким обходительным умеет быть Сантьяга с женщинами, и догадался, что молодая жрица оказалась за столиком нава не совсем по своей воле. В смысле – по своей, но не совсем по своей. То есть она не хотела, но так получилось.

Короче – у женщин так бывает.

Барон спрятал улыбку в густых усах и учтиво спросил:

– Вы позволите быть вашим кавалером?

– Птиций, ты уверен, что вручать Францу подарок должно это чучело?

– Не следует хамить актрисе, – заметил управляющий. – Она может обидеться.

– Она? – Фунций скептически оглядел каменную красавицу.

– Она, – подтвердил Птиций. – Это женщина.

– Не настоящая.

– Она двигается и говорит.

– Ты меня пугаешь. – Фунций почесал себя между вторым и третьим подбородком. –

Давно у тебя сменились приоритеты?

– Не говори глупостей.

– Пусть к Францу отправится Эсмеральда с парой девочек...

И причмокнул, вспомнив восхитительные формы главной примы «Ящеррицы».

– Я лично обещал великому магистру, что он не окажется в неловком положении, – высокомерно бросил Птиций. – А мое слово дорого.

– Конечно, – пробурчал Фунций. – И поэтому...

– Вопрос закрыт!

Концы, продолжая лениво переругиваться, покинули гримерку, но терракотовая актриса оставалась в одиночестве недолго. Примерно через полминуты из недр встроенного шкафа выбрался Стен.

– Ты вручаешь подарок великому магистру?

Каменная красавица не ответила.

– Хорошо, что ты не любишь болтать, – усмехнулся Гангрел. – Значит, ты никому не расскажешь о нашем маленьком секрете...

Масан перестал улыбаться, сосредоточился и положил руку на лоб истукана: предстояло добавить в программу голема дополнительное действие.

– Блестящее шоу.

– Согласна, – кивнула Яна.

– Птиций никогда не подводит, – рассмеялся Кортес.

– Он молодец, – не стал спорить Сантьяга.

Каменных красавиц сменил оркестр, услаждающий оставшихся за столиками гостей легкой музыкой. Открылся танцпол, многие посетители перебрались в бары, комиссар же, вежливо поприветствовавший великого магистра, бродил по залу. Несколько слов с рыцарями, пара минут в компании шасов, тост с хванами – светский вояж в стиле комиссара. И приземление за столик наемников вполне укладывалось в маршрут: Сантьяга и Кортес приятельствовали.

– Как давно вы разговаривали с епископом Треми?

– Месяц, может, два, – прищурился Кортес. – Мы не заглядывали в Тайный Город несколько недель.

– Уверен, Захар соскучился.

– По нас?

– Да. – Комиссар пригубил вино, улыбнулся, пальцами отбил несколько тактов на столешнице – подыграл оркестру. – Вечер удался.

Кортес и Яна поняли главное: предстоит контракт. Но к чему такая конспирация? Приглашение на премьеру, намеки... Деловые встречи с Сантьягой, как правило, проходили в ином ключе: поступало ясное предложение, и, в случае согласия, следовали четкие инструкции.

– Захар ОЧЕНЬ соскучился. Но он шепетилен, и, учитывая ваши взаимоотношения, может возникнуть неловкая ситуация.

Ситуация начала проясняться. Епископ позарез нуждается в наемниках, а команда Кортеса не работает бесплатно. Но не сможет взять деньги у друга, в свое время спасшего Яну. И отказать ему не сможет. А Захар не хочет напоминать о старом... или не может заплатить. Но он обратится, потому что, судя по всему, деваться епископу некуда.

– Все расходы и двойной гонорар, – едва слышно произнес Сантьяга. – Но пусть это останется между нами.

Нав улыбнулся, приготовился подняться из-за столика, но Кортес не собирался довольствоваться столь малыми сведениями:

– Детали?

– Я не посвящен.

Яна игриво склонила голову к плечу Сантьяги, могло показаться, что она флиртует.

– А эта таинственность?

– Я вне игры, – прошептал комиссар. – Это внутреннее дело семьи.

По губам девушки скользнула улыбка.

Внутренние дела – весьма широкое понятие, контракт мог сулить и террористический рейд по логовам Саббат, и устранение неугодных Темному Двору лидеров верных масанов. Но поскольку Сантьяга желает дистанцироваться от происходящего, действовать предполагается весьма жестко. Или жестоко. А самое главное – без страховки в лице Великого Дома Навь.

Комиссар посмотрел на сцену и задумчиво произнес:

– В нашем оркестре может появиться истинный дирижер.

– Мне не очень нравится цифра два, – протянул Кортес.

– Хорошая цифра, – покачал головой Сантьяга. – Вполне достойная. К тому же не забывайте, что я заплатил за столик.

– Вы так добры...

– Есть грешок. – Нав улыбнулся, встал из-за стола, галантно поцеловал Яне руку. – Рад был повидаться.

Наемник тоже поднялся, пожал протянутую руку и едва слышно спросил:

– Цель?

– Покончить с гражданской войной.

– Руководство клуба «Ящеррица» выражает свое глубокое почтение великому магистру Ордена Францу де Гиру и просит принять скромный дар...

Терракотовая красавица приблизилась к лидеру чудов, склонилась в церемониальном поклоне и протянула объемистую бутылку.

– Лучшее вино из подвалов «Ящеррицы», знаменитый «Плачущий нектар», изготавливаемый по секретному рецепту семьи концов.

Находящиеся в ложе рыцари внимательно оглядели посланницу на предмет фривольности, но не нашли к чему придраться: каменные одежды каменной красавицы оказались скромны, если не сказать – целомудренны.

– Пусть лучше поделятся секретом изготовления, – рассмеялся Гуго де Лаэрт, мастер войны Ордена.

– Франц, надеюсь, собравшись открыть бутылку, ты не забудешь о старом друге? – Это Рик Бамбарда.

– Передайте Птицию мою благодарность, – де Гир улыбнулся голему и принял подарок.

И почувствовал, что терракотовая красавица вложила в его руку сложенный в несколько раз лист бумаги.

– Еще по коктейлю и продолжим! – Инга увлекла Артема к бару. – Не отлынивай! Веселиться – значит веселиться!

Ее глаза возбужденно сверкали. Танцпол – бар – танцпол. Окунувшись в любимую атмосферу Тайного Города, встретив друзей и знакомых, Инга завелась, встряхнулась и была готова зажигать всю ночь.

– Захар, привет! Ты чего задумчивый? Как твои дела? Не хочешь заскочить к нам? Искушаться в лагуне под луной?

Масан принялся мямлить нечто невразумительное, девушка чмокнула его в щеку, подставила свою и уже через секунду кричала бармену насчет коктейлей.

– Давно не виделись, – улыбнулся Артем.

– Да вы шляетесь не пойми где. – Захар сделал глоток пива. – Валяетесь на своем пляже, все дела забросили...

Инга оживленно болтала со знакомой феей.

– Мы как скауты, – тихо сказал Артем. – Всегда готовы. Какая разница, где валяться перед работой: на пляже или на диване в офисе?

– Логично, – согласился епископ. – Но в офис я не могу.

И снова глоток пива. И короткий треп с подошедшим приставником, закончившийся дружным хохотом.

– Завтра? – поинтересовался Артем, поняв, что у друга есть дело.

– Что завтра? Мальчики, вы на часы смотрели? Завтра – это уже сегодня! – Инга потянула друга за руку. – Танцевать! Захар, пошли с нами!

– Я позвоню, – бросил масан и отвернулся.

* * *

США, Нью-Йорк,

15 декабря, среда, 01.02 (время местное)

Как сохранить Амулет Крови? Не расставаться с ним ни днем ни ночью? Это первое, что приходит на ум, и каждый истинный кардинал поступал именно так. Не верить никому? Не верили. Но ведь невозможно жить в постоянном напряжении, постоянно ожидать удара, постоянно оглядываться. То, что любой ночной охотник мог завладеть Амулетом Крови и стать истинным кардиналом, возбуждало честолюбие масанов. Наиболее смелые пытались, наиболее удачливые добивались, но думали о такой возможности – хоть раз в жизни – все. Был, правда, один нюанс: Амулеты, квинтэссенция магии Крови, подчинялись только сильному вампиру, способному выдержать их древнюю мощь, и случалось, что победивший конкурента счастливчик попросту сгорал, едва прикоснувшись к вожделенному артефакту. Нюанс этот останавливал многих, и делал жизнь истинных кардиналов более комфортной: они окружали себя слабаками. Ни один здравомыслящий владелец Амулета Крови не подпускал к себе сильных масанов, остерегался их, не доверял им.

Такова цена власти: истинные кардиналы могущественны, но сильных рядом с ними нет.

Борис Луминар носил титул без малого двести лет. Высокий, чуть меньше семи футов ростом, он отличался атлетическим сложением, но при этом не производил впечатления горы мяса: могучий, но элегантный, идеальная натура для древнегреческой статуи. На лицо Борис был грубоват: тяжелые черты, маленькие глаза, квадратный подбородок с ямочкой, не красавец, зато дышал мужественностью и силой, как и положено вождю. Подданные кардинала любили – он умело защищал интересы клана, – но побаивались: о вспыльчивости и жестокости Бориса слагали легенды.

– Может, все-таки вызовем охрану? Пусть прикроют.

Это Отто, один из четырех епископов нью-йоркского клана Луминар. Самый верный. Самый слабый. Прекрасно понимающий, что лишившись покровительства кардинала, окажется в самом низу иерархической лестницы семьи Масан.

– Обойдусь.

Отто украдкой посмотрел на Бориса, тихонько вздохнул, размышляя, стоит ли продолжать спор, решил, что стоит: кардинал, судя по всему, обдумывает предстоящую встречу и

не станет тратить время на вспышку гнева. Зато можно проявить заботу и преданность. Отто хорошо изучил вождя.

– Мне не нравится, что вы пойдете...

– Я пойду один. Это не обсуждается.

Отто покачал головой:

– Я ведь докладывал, что неподалеку от этого района наши заметили пришлых Носферату. Вдруг этим придуркам...

– Что могут сделать мне Носферату? – презрительно поинтересовался Борис. Его рука машинально легла на рукоять кинжала. – Я в безопасности. Или ты не веришь своему кардиналу?

– Верю.

– Ты хорошо заботишься о моей безопасности, но сегодня мне не нужна опека.

– Я понял.

– И я хочу, чтобы ты заткнулся и ехал, куда велено.

Епископ кивнул. Борис улыбнулся и вдруг подумал: «Ты хорошо заботишься о моей безопасности...» Действительно, в последнее время Отто стал незаменим. Командует телохранителями, возглавляет самый сильный отряд клана. Слабак вырос, заматерел, его уважают.

«Заменить Отто до Нового года, – пометил в памяти кардинал. – Найти кандидата на титул епископа».

Тем временем черный «Форд» – Борис не хотел привлекать к себе внимания и взял машину попроще – достаточно углубился в один из самых неприятных районов Гарлема и остановился на указанной кардиналом улице. Неосвященной. Вдоль тротуаров валялись какие-то коробки, тележки из супермаркетов, стояли остовы машин: местная шпана снимала с угнанных автомобилей все самое интересное и бросала. Вывозить же металлолом никто не собирался. Отто выключил двигатель, погасил фары и настороженно прислушался: где-то ругались, где-то играли в карты, где-то звучали пьяные песни, но далеко – дома справа и слева пустовали. В трех кварталах к югу у разведенного в бочке костра грелось пятеро бродяг. Ближайший патруль находился в двух милях к северу, и полицейские не выказывали никакого желания ехать в пользующийся дурной славой район. Носферату не слышно. Очень неплохая ситуация...

«Бродяги рядом. Пятеро... А следующая бочка далеко, никто не услышит...» Два клыка начали превращаться в *иглы*.

– Не вздумай гоняться за *пищей*, – остудил помощника Борис. – Сиди в машине и жди меня.

– Конечно! – опомнился Отто. – Я и не хотел... Случайно...

И издал короткий, нервный смешок.

Кардинал усмехнулся. Слабака за версту видно: он не уверен в себе, охотится, когда «подвернется случай», и бросается на любую подходящую добычу. Отто столько времени провел на вершине власти, а до сих пор не изжил босяцкие привычки. «Может, не менять его пока? Кто пойдет за таким слизняком?» Борис почувствовал брезгливость: сам он всегда, даже будучи простым охотником, высушивал кого хотел и когда хотел.

– Клянусь, что не выйду из машины...

– Знаю, – буркнул кардинал, открывая дверцу.

Отто проводил вождя взглядом и скривился. Скучно. Охотиться нельзя, подслушать, о чем будет говорить Борис, не удастся – истинные кардиналы умели закрываться даже от наблюдателей Великих Домов, – оставалось ждать.

Встреча, ради которой Борис приехал в Гарлем, была назначена в грязном, заваленном мусором тупике, образованном глухими стенами домов и высоким бетонным забором. Справа – две заколоченные двери, слева – никогда не вычищаемые мусорные баки, прибежище сотен

крыс. Если бы кардинал шел как обычно, не таясь, зверьки бы разбежались: серые хищники прекрасно знали, что нельзя находиться рядом с масаном. Но Борис закрылся сразу же, как только вышел из «Форда», а потому приходилось наслаждаться шумом, издаваемым пирующими крысами. Под ногами похрустывало, чавкало – крысы недоуменно оглядывались, – и остро пахло разложившимся мусором. Липкая масса впитывалась в элегантные туфли, и Борис подумал, что обувь, похоже, придется выбросить.

Но шаг не замедлил, дошел, как было условлено, до забора и остановился.

– Я пришел!

Тишина. Не услышавшие ни звука крысы спокойно продолжали заниматься своими делами.

– Я чувствую тебя! Ты здесь! – Борис помолчал. – Не хочешь показываться? Правильно. Не для того ты прячешься столько лет.

«Зачем ты меня позвал?»

Вопрос появился на заборе, прямо перед глазами кардинала Луминар. Крупные синие буквы по очереди вылезли поверх неумелых граффити. Борис чувствовал движение магии Крови, но откуда оно шло, не понимал: его собеседник закрывался великолепно.

– Что-то затевается! У меня нет такого предсказателя, как у Бруджи, но я чую. Я знаю, как ты относишься ко мне. Ты считаешь меня маньяком. Да, я маньяк! Я люблю охотиться, люблю кровь. А кто ее не любит? Может, ты?

Надпись исчезла. Борис замолчал, подождал и недовольно скривился, увидев следующую фразу:

«Зачем ты меня позвал?»

Таинственный собеседник оставил эмоциональную речь кардинала без внимания. Борис набычился.

– Я суть нашей семьи, я единственный... я последний, кто живет по старым обычаям. Остальные кардиналы становятся слишком осторожными, теряют гордость, а я убиваю и не стесняюсь этого! Я то, чем мы были всегда! И всегда будем! Если меня сожрут, семья Масан никогда не станет прежней. И это обрадует наших врагов. Я последний мостик...

«Тебе страшно?»

Борис умел взять себя в руки, умел загнать гнев вглубь и не позволить ярости вырваться наружу. Он знал, что несдержан, но в нужный момент изо всех сил подавлял свой нор. Как сейчас, например. Потому что от этой встречи зависело очень многое.

– Мне нужна помощь, – тихо произнес истинный кардинал Луминар.

«В чем?»

– Чтобы устоять.

«Почему я должен помогать тебе?»

– Потому что я хочу сохранить дух Масан. Сбереечь старые традиции. Нашу славу, наши законы. Кто мы без них?

«А кем мы стали, соблюдая их?»

Глава 2

Отель «Marriott»

Венгрия, Будапешт,

15 декабря, среда, 03.11 (время местное)

Известный всему Тайному Городу «зимний» автомобиль Сантьяги – темно-синий «Бентли Континенталь» – выехал с парковки «Ящеррицы» почти в шесть утра. Вихрем промчался он по пустынным московским улицам, используя самый короткий маршрут между Измайлово и Соколом, и не оставалось сомнений в том, что конечной точкой движения является Цитадель, штаб-квартира Нави. Наблюдатели Ордена и Зеленого Дома, привычно отслеживающие перемещения комиссара, сделали соответствующие пометки в журналах и успокоились: непредсказуемый Сантьяга отправился спать.

И ошиблись.

Не могли не ошибиться, ибо посторонним не дано заглянуть за высокие стены Цитадели, надежно хранящие тайны Нави. Едва за «Бентли» захлопнулись ворота, как он исчез в черном вихре грузового портала, а три советника Темного Двора, три лучших мага навов, внимательно следили за тем, чтобы ни один наблюдатель не увидел магический всплеск межконтинентального перехода. И цель была достигнута: о том, что, въехав в арку находящегося на Ленинградском проспекте здания, автомобиль Сантьяги выехал на одной из улиц Будапешта, не узнал никто.

Некоторые из них впервые увиделись, впервые оказались лицом к лицу, впервые смотрели в глаза друг другу. Смотрели и окончательно понимали, почему главной в Саббат стала заповедь «Не верь!». Все чаще свободные охотники разочаровывались в лозунгах гражданской войны до такой степени, что соглашались сотрудничать с самым главным и самым беспощадным врагом отступников – с комиссаром Темного Двора. В Саббат таких считали предателями и трусами, но среди тех, кто собрался в одном из номеров «Marriott», малодушных не было: Сантьяга не отказывал слабакам в покровительстве, принимал их клятвы, не трогал, если они честно соблюдали Догмы Покорности, но не доверял ни на йоту. В Будапешт же, на секретное совещание, собрались только те, на кого Сантьяга действительно мог положиться. Ни один из прибывших в отель вампиров не жил в Тайном Городе и в будущем не собирался переселяться в Москву, но каждый уже доказал свою преданность кровью, чем сжег за собой все мосты – с предателями в Саббат расправлялись крайне жестоко.

– Не думал встретить тебя здесь, епископ, – буркнул Иоганн Носферату Джо Носферату.

– Жизнь странная штука, руден, – спокойно ответил тот. – Никогда не знаешь, как все обернется.

Стаи, которые возглавляли пятеро собравшихся в «Marriott» охотников, не относились к числу крупных, а посему никто из них не решился присвоить себе титул кардинала. Они называли себя епископами, а Иоганн Носферату и вовсе руденом, старшим братом на масари.

– Выпьем?

– Охотно.

Джо ловко вскрыл бутылку кроваво-красного вина.

– Эй, лысые, о нас не забудьте, – проворчал Петер Бруджа. – Отметим знакомство.

– Раз уж мы в одной лодке, – добавил Мигель Малкавиан.

Его родной брат Хосе молча кивнул.

Бокалы столкнулись, вампиры выпили, и... в помещении вновь повисла тишина. Даже старые знакомцы Джо и Иоганн молчали, стараясь не смотреть друг на друга.

Всем было неловко.

Каждый из них когда-то сделал нелегкий выбор, отошел от семьи, от братьев. И каждый прошел через тяжелые раздумья, сотни раз спросил себя: «Я предатель?» – и сотни раз ответил: «Нет!» И каждый поверил себе.

Вот только тяжелым раздумьям, как правило, предаются в одиночестве, а когда смотришь на... таких же, как ты, в голове вновь возникают глупые вопросы. И вновь задаешь их себе.

И стискиваешь зубы.

И молчишь.

– Хочу, чтобы вы знали, – громко произнес Иоганн Носферату. – Я ни о чем не жалею. Сантьяга меня не принуждал, не ставил в безвыходную ситуацию. Можно сказать, что я сам пришел к навам.

Масаны переглянулись, но промолчали. Пока промолчали.

– Саббат умирает. В моем клане... – Иоганн хмыкнул, скривил губы: «Клане! Как громко сказано...» – В моем клане семь масанов. Две пары и три охотника. Мы ведем себя осторожнее, чем те, кто живет в Тайном Городе. Мы запуганы больше, чем те, кого называем рабами.

– Хельсинки небольшой город, – тихо произнес Хосе. – В нем нелегко прятаться.

Стая Малкавиана базировалась в Буэнос-Айресе, и Хосе мог себе позволить легкое пренебрежение по отношению к «провинциалу». Но Хосе не стал уточнять, что, несмотря на то что обитает в более крупном городе, в его распоряжении находится всего лишь двенадцать вампиров. Большой город – маленький клан, идеальное сочетание. К тому же Аргентина являлась вотчиной южноамериканских Бруджа, с которыми приходилось делить охотничьи угодья.

– В Европе вообще сложно жить... незаметно.

– Когда-то истинные кардиналы обещали, что мы не будем прятаться, – заметил Мигель. – Обещали, что мир окажется у наших ног.

– Саббат умирает, – повторил Иоганн. – Она была призвана сохранить семью, но она ее разрушила. Хотим мы или нет, но будущее масанов – в Тайном Городе.

– Ты веришь в это или просто болтаешь, чтобы не было так паскудно? – глухо спросил Джо.

– Верю, – поколебавшись, ответил Иоганн.

– Завидую, – вздохнул Петер.

Носферату бросил на Бруджу быстрый взгляд.

– А ты...

– Я это принимаю. – Петер понял, о чем спросит Иоганн, и ответил раньше, чем прозвучал вопрос. – Это очень правильный и прагматичный подход. Разумный.

– Единственный, – вздохнул Мигель.

– Но это не значит, что я в восторге от происходящего.

Каждый из них пришел к Сантьяге своей дорогой.

Иоганн Носферату не лгал: его привела вера. Спокойный, выдержанный, с независимым характером, он держал подчиненных вампиров в ежовых рукавицах, зато гарантировал им относительно спокойную жизнь. «Не высывайся!» Небольшая стая обосновалась на севере Европы и использовала для охоты всю Скандинавию. Места эти считались среди масанов сложными: челы проживают компактно, едва ли не все друг друга знают, и охотнику требуется при-

лагать массу усилий, дабы скрыть следы жизнедеятельности. Кровь масаны Иоганна пили не часто, только когда жажда подступала, а иногда вообще уезжали на охоту в Восточную Европу, зато длинные скандинавские ночи как нельзя лучше подходили любителям ночного светила.

Джо Носферату был иным: самолюбивым, озлобленным и достаточно жестоким. Именно поэтому Иоганн удивился, увидев его среди помощников Сантьяги, – Джо полностью устраивала вольница Саббат. Его стая отделилась от крупного шанхайского клана и теперь охотилась в нескольких районах Калькутты, тщательно скрываясь от владевшего городом кардинала Раджа Носферату. Впрочем, тот отнесся к появлению дальних родственников без агрессии, логично полагая, что *пищи* в густонаселенном городе хватит на всех, а мелкая стая рано или поздно вольется в его клан. Вот этого Джо и не мог стерпеть. Его честолюбие требовало выхода, он хотел подняться как можно выше и рассудил, что сможет реализовать свои мечты с помощью Сантьяги.

С братьями Малкавиан все было предельно просто: они были убийцами, классными и работающими. В Южной Америке к их услугам обращались едва ли не все человеческие мафиози. Несколько раз комиссар Темного Двора использовал братьев «втемную», через посредников направляя против одиозных лидеров Саббат, а затем открыл карты и предложил «более плотное сотрудничество». Малкавианы подумали и согласились. Им было безразлично, кого убивать, лишь бы платили, а прилагаемое к золоту покровительство Темного Двора показалось братьям прекрасной страховкой на будущее.

Последний из присутствующих, Петер Бруджа, представлял небольшую стаю, отколовшуюся от южноамериканской ветки Бруджа. Он и пятеро его масанов вели кочевой образ жизни, болтались в треугольнике между Боготой, Мехико и Гаити, занимаясь всем подряд: от убийств и транспортировки наркотиков до службы вышибалами в ночных барах. Прочно закрепиться на одном месте у Петера не получалось, да и не стремились его подданные к оседлости, предпочитая бездумную и ни к чему не обязывающую бродячую жизнь. И даже к сотрудничеству с Темным Двором Бруджи отнеслись легко, расценив его как очередное приключение и не сомневаясь, что в любой момент смогут разорвать договоренности и скрыться – в Карибском треугольнике их ничто не удерживало.

– Приношу извинения за опоздание.

– Мы прекрасно провели время, – негромко ответил Хосе.

– Вот и замечательно. – Сантьяга быстро оглядел масанов. – Насколько я понимаю, знакомить вас не требуется?

– Мы даже обменялись телефонами, – хмыкнул Петер.

Присутствующие рассмеялись, и легкая неловкость, возникшая было при появлении нава, растаяла. Действительно, к чему копаться в себе, если все давно решено? Если сожжены мосты? Если не ты один согласился работать с самым знаменитым интриганом Тайного Города? В конце концов, Великий Дом Навь существовал задолго до появления семьи Масан и будет существовать всегда. В этом охотники не сомневались.

– В таком случае, давайте перейдем к делу. У нас не так много времени.

– Нас ждет работа?

– И серьезная.

Улыбки исчезли, вампиры собрались, и внимательные взгляды красных глаз устремились на комиссара. Охотники понимали, что Сантьяга замыслил непростую операцию: внезапный приказ срочно собраться в Будапеште, грандиозные меры безопасности (навы сами строили для масанов межконтинентальные порталы и тщательно скрывали их следы), в конце концов, то, что состоялся общий сбор, – все это говорило о многом. Масаны поняли, что предстоит действовать сообща, и с нетерпением ожидали, что скажет Сантьяга.

– Я не стану описывать сложившееся положение. Мы обсуждали его с каждым из вас и пришли к полному взаимопониманию: вражда завела нас в тупик. Ради будущего, ради нашего общего будущего, мы обязаны найти выход. К счастью, в Саббат нашлись кардиналы, которые разделяют нашу точку зрения и хотят жить в мире.

Масаны обменялись быстрыми взглядами. Все они понимали, что слабы, что их мелкие стаи не способны поколебать устои Саббат и нужны они комиссару только в качестве инструмента. Чтобы процесс, о котором говорил нав, начался, о прекращении братоубийственной войны должны задуматься лидеры крупнейших кланов. И теперь агенты гадали: неужели темному удалось купить кого-то из вождей мятежников?

– К моему глубочайшему удовлетворению, – выдержав небольшую паузу, продолжил Сантьяга, – мне не пришлось навязывать кардиналам свою точку зрения. Они сами пришли к тем же выводам, что и мы, и начали движение навстречу друг другу. Внутри Саббат создается коалиция.

– Идут переговоры? – уточнил Иоганн.

– Да.

– И вы о них знаете?

– Я знаю все.

– Тогда почему вы их не прервете? – удивленно спросил Джо Носферату. – Ведь объединенные кланы вновь превратятся в реальную силу.

– Они станут отличной мишенью для гарок, – буркнул Петер. – Навы выждут, а когда кардиналы соберутся в кучу, покрошат их в капусту.

– Новую войну будет непросто скрыть от челов, – усмехнулся Иоганн. – За прошедшие со времен Раскола годы они сделали свой мир более открытым, и если Великие Дома бьются, соблюдая осторожность, то от кардиналов этого требовать бессмысленно. Стоит начаться заварушке, и режим секретности рухнет.

– В ваших словах есть рациональное зерно, – согласился Сантьяга. – Я не предполагал начинать очередную войну.

– Тогда зачем вам объединение кардиналов?

– Коалиция обновит Саббат и станет основой для ее мирного сосуществования с Тайным Городом, – объяснил комиссар. – Именно поэтому я не препятствую переговорам и не собираюсь вмешиваться в их ход: прекратить войну должны сами масаны.

– А что будет с нами? – подал голос Мигель.

Вампиры насторожились. Увлеченные глобальными замыслами, они на какое-то время позабыли о своем положении, и вопрос Малкавиана заставил их забеспокоиться. Возможно, кардиналы договорятся и между собой, и с Тайным Городом, но узнай они о предательстве, и всем, кто собрался в «Marriott», несдобровать. Никто не посмотрит, что ты действовал в интересах семьи: предал – получи свое.

– Я не собираюсь лишать вас покровительства и гарантирую, что о наших взаимоотношениях никто не узнает, – твердо ответил Сантьяга.

– Даже в обновленной Саббат вам будут нужны глаза и уши, – усмехнулся Петер.

– И клинки, – негромко добавил Хосе.

– Короче, те, на кого можно положиться, – закончил Иоганн.

– Я рад, что мы с вами одинаково оцениваем обстоятельства, – кивнул нав. – По мере развития событий я подскажу вам, кого из лидеров следует поддерживать, кто проводит наиболее взвешенную политику, отражающую реальные чаяния ночных охотников. Но хочу напомнить, что мы стоим в самом начале пути. Прежде чем семья Масан вновь станет единой, пройдет очень много времени и прольется немало крови. Будут схватки внутри кланов, будут схватки между кланами – к сожалению, избежать этого невозможно.

– И нам придется принять участие в драке, – понял Иоганн.

– Я рассчитываю на вас, – подтвердил Сантьяга. – Как я уже говорил, Темный Двор не станет открыто помогать лидерам Саббат создавать коалицию. Никто не сможет обвинить вождей, что они объединили семью по приказу навов.

– В противном случае за ними не пойдут.

– Пойдут, – покачал головой комиссар, – но значительно меньше масанов, чем мы рассчитываем. А посему создание коалиции станет внутренним делом.

– И вместо гарок в бой пойдём мы.

– Кардиналы, создающие коалицию, устали от войны и верят, что их действия будут полезны семье. Они готовы рискнуть своим положением ради великой цели, и я уважаю их за это. Я не могу помочь открыто, но есть вещи, на которые им трудно решиться. Есть лидеры, которые способны поставить крест на наших замыслах...

– Вы говорите об истинных кардиналах?

– Да. Без моей поддержки с ними не справиться, и я планировал оказывать ее с вашей помощью.

Масаны оторопело переглянулись:

– Но никто из нас не способен противостоять истинному кардиналу, – недоуменно пробормотал Хосе.

– Я знаю, – улыбнулся нав, – и не намерен отправлять вас на смерть. Вы будете решать вспомогательные задачи.

– А платить вы будете по-прежнему? – поинтересовался Мигель.

– Разумеется.

– В таком случае на нас вы можете рассчитывать.

* * *

Венгрия, Будапешт,

15 декабря, среда, 05.02 (время местное)

Возвращение участников совещания было организовано не менее тщательно, чем их приезд в венгерскую столицу. Открывали порталы два нава, Ортега и Бога, под руководством Сантьяги. Советники прятали всплески магической энергии, и ни один колдун на свете не смог бы узнать, что в Будапешт и из него в эту ночь было построено двенадцать межконтинентальных порталов. Если Темный Двор хотел обеспечить режим полной секретности, он его обеспечивал.

– Время!

Темно-синий «Бентли» растворился в грузовом переходе. За машиной шагнул Бога, исчез, молниеносно переместившись во внутренний двор Цитадели, черный вихрь продолжал вертеться в центре мостовой, всем своим видом показывая, что надо торопиться, но Ортега, уже направившийся было к portalу, вдруг остановился и замер.

«Что-то не так!»

Нав оглядел маленький переулочек: пустынно, тихо. Поднял голову и ощупал взглядом дома: окна закрывают жалюзи и занавески, ни в одной квартире не горит свет. Город еще спал, но происходящее в переулочке скрывали не только ненадежные объятия Морфея – плотный морок прятал от посторонних взглядов и вихрь перехода, и нава.

В закрепленной на ухе гарнитуре раздался голос оператора:

- Ортега, ты чего возишься?
- Сейчас, сейчас...
- Мы не можем держать портал вечно.
- Я знаю.

Но ведь что-то его смутило! Что-то заставило насторожиться. Что-то непонятное. Что-то прячущееся.

- У тебя девять секунд!
- Понял.

Это был укол, легкий толчок, едва ощутимый всплеск, появившийся на самом пороге чувствительности. Ортега не смог бы объяснить, что уловил: магическую активность или сильную эмоцию. Ощущение сразу же пропало, растворилось в фоне, но ведь оно было! Было!

«Нас видели!»

- Шесть секунд!

Ортега лихорадочно просканировал окрестности – ничего подозрительного. Если активность и была, то проявивший ее маг вновь спрятался.

- Четыре секунды!

«Показалось?»

- У тебя есть деньги на авиабилет?

Растерянный Ортега шагнул в портал...

- Ну наконец-то! Мы уж решили, что ты собрался эмигрировать!

...а выйдя из него сразу же подошел к Сантьяге:

- Комиссар, я хочу доложить о странном происшествии.

«Он меня засек. Почувствовал. Нав настолько хорош или я слишком рано расслабился?»

Вихрь портала исчез, морок спал, но в переулке продолжалась странная деятельность. Минуты через две после того, как долговязая фигура последнего нава растворилась в переходе, лежащая на камнях паутина теней ожила. Тонкие черные нити побежали вверх по переулку, на ходу соединяясь друг с другом, сплетаясь, превращаясь сначала в призрачные веревки, затем в канаты и, наконец, в большой поток, конец которого скрывался в маленькой арке.

«Они привыкли, что Тьма их союзник, и не должны обращать внимания на нюансы игры теней. Или я слишком самоуверен?»

Из арки вышел мужчина в наглухо застегнутой черной куртке, плотных брюках, заправленных в грубые ботинки, и вязаной шапочке, низко надвинутой на лоб. Несколько мгновений он стоял, втягивая в себя остатки темного потока, после чего развернулся и неспешным шагом направился в сторону набережной. Судя по разговору с самим с собой, мужчина привык к одиночеству.

– Что он мог почувствовать? Дрожание вечной Тьмы? Такое случается. Мое присутствие? Нет, невозможно. В этом случае здесь бы уже рыскали гарки.

- Едва заметный всплеск? – переспросил Сантьяга.
- Не могу назвать это всплеском, – потупился Ортега. – Скорее какое-то шевеление.
- Тьма не похожа на застывшую скалу, – негромко произнес комиссар. – Движение ее не останавливается ни на секунду. Поэтому она вечна.
- Это не новость. – Ортега позволил себе огрызнуться.
- То есть вы уверены, что почувствовали нечто иное? Не обычную игру Тьмы?
- Да, комиссар.
- Только вы... – пробормотал Сантьяга. – И в какой момент?
- Я как раз собирался войти в портал.

– Перед самым уходом. Возможно, кто-то был слишком нетерпелив. Или недооценил вашу силу.

– За нами следили?

– Но ведь вы в этом уверены. – Комиссар жестко посмотрел на помощника. – Уверены?

В Темном Дворе не приветствовали туманные доклады и расплывчатые сообщения. Оцени ситуацию и сделай вывод, который кажется тебе правильным. Возможно, впоследствии окажется, что ты допустил ошибку, но сейчас ты должен дать максимум информации, и твое мнение – венец ее.

– Да, уверен, – твердо ответил Ортега. – Я считаю, что почувствовал чье-то присутствие.

– У меня нет повода не доверять вашим словам.

– Проверить? – Сделав вывод, помощник комиссара сразу же принялся предлагать дальнейшие действия. – Я возьму десять гарок...

– Нет необходимости, – прищурился Сантьяга. – Цель незваного гостя достигнута: он получил информацию. Не следует показывать, что нам об этом известно.

– А мои действия? Я сканировал местность.

– Если гарки не появятся, он сочтет, что вы не обратили на свои ощущения должного внимания.

В этом году зима в Будапеште выдалась необычайно мягкой. Казалось, что теплая, почти без дождей осень подарила декабрю свое дыхание, и первые заморозки легли на будапештские камни всего несколько дней назад. И Голубой Дунай, толстый, ленивый, благодатный, продолжал свободно нести воды, растворяя изредка выпадавший снег и дружески пиная волнами камни набережной, по которой медленно шел говорящий сам с собой мужчина.

– Почему нас не могут оставить в покое?! Сотни, тысячи лет в этом мире, и каждый день мы думаем о том, что кому-то мешаем. Мы не такие, как все? Да, мы не такие. Они не могут принимать нас такими, какие мы есть? Да, не могут. И к чему это привело? К гражданской войне!

«Они враги!» И под безликим местоимением скрывались вполне конкретные фигуры: князь, Сантьяга, весь Темный Двор, весь Тайный Город...

– Но кто для них мы? Агрессивные безумцы. Вечный источник нестабильности. Охотники. Они боятся нас, поэтому ненавидят?

«Боятся нас?! Не слишком ли меня заносит?»

«Овцы всегда боятся волков!»

И вот появился шанс договориться, появилась надежда обрести спокойствие, покончить с гражданской войной. И стала понятна цена, которую придется платить: кровь тех, кто сохранил в себе настоящего охотника. И цена не показалась чрезмерной, ибо продолжение противостояния уничтожит семью. И трудное решение принято.

И вдруг выясняется, что «они» не только не против, но готовы помогать. Что кость, которую бросил Сантьяга кардиналам Саббат, оказалась крайне привлекательной. Власть в обмен на свободу. Власть! Ради нее истинные кардиналы Масан восстали когда-то против Тайного Города. Они чувствовали свою силу и не желали делиться первенством. Теперь мечта лидеров может стать реальностью, и за такой наживкой даже самая осторожная рыба потянется к крючку. Темный Двор понял, в чем суть Раскола, и нанес удар в самое слабое место, отказался от притязаний на абсолют, но потребовал лояльности.

Что делать?

Гордость подсказывала: воевать! «Они» не способны дать масанам то, что нам действительно нужно. Затея с объединением – очередной обман! Ловкий трюк, призванный затянуть рабский ошейник на всей семье.

Но разум...

Проклятый разум требовал не мешать смертельным врагам. Проклятый разум требовал выжечь из души настоящего охотника. Проклятый разум говорил, что смерть далеко не лучший выход.

* * *

Супермаркет Гильдии

Москва, улица Большая Лубянка,

15 декабря, среда, 09.03

– Поиздеваться над чудами? Занятная мысль. – Биджар Хамзи сделал маленький глоток коньяка. – А то давненько никакого шума не было, о нас уже начали забывать.

– Тебя, пожалуй, забудешь, – усмехнулся Урбек Кумар.

– Любая власть должна помнить, что правит она лишь до тех пор, пока устраивает подданных, – строго произнес Хамзи. – Несогласие с проводимой политикой может закончиться революцией. А чтобы этого не произошло, следует периодически взбадривать вождей мелкими уколами. Чтоб не забывались и вели себя как следует.

– Я всегда говорил, что ты родился с зубами, – одобрил Урбек. – Чувствуется хватка.

– Семейное предание гласит, что я родился с чековой книжкой и золотым «Паркером» в руках. До сих пор у меня не было оснований не верить в эту легенду.

– Да я и не спорю, – проворчал Кумар и пояснил: – Хотел комплимент сделать – с акулой тебя сравнить.

– А что, акулы с зубами рождаются?

– Понятия не имею. Но звучит красиво.

– М-да... звучит красиво. – Хамзи задумался.

Шальную идею, услышанную в кабинете великого фюрера Кувалды, скупщик краденого принес прямым старому другу Биджару. Среди директоров Торговой Гильдии только самый молодой и энергичный не отказывался от скользких проектов с политическим уклоном. Одна идея с демократическими выборами великого фюрера чего стоила! Шумиха в прессе, огромные рекламные контракты, отступные от Зеленого Дома и долгая кабала дикарской семьи. И это только часть доходов от оказавшегося весьма интересным проекта. Кумар понимал, что если из дурацкой петиции Копыто и можно извлечь хоть какую-то прибыль, то сделать это может исключительно Биджар.

– Перспективы неясные, – протянул Хамзи. – Что можно выудить из требования извиниться за оккупацию? Да и несерьезно как-то.

– Боишься, что все семьи начнут вспоминать прошлое и качать права?

Биджар почесал кончик носа.

– Что-то я больше обиженных не припоминаю. На навов разве что асуры могут пожаловаться, но где сейчас асуры?

– Асуров нет.

– Значит, и извиняться Темному Двору не перед кем.

– А Зеленый Дом?

– А люди никого с места не сгоняли. – Хамзи долил коньяк в бокалы. – Ты историю изучал?

– В общих чертах, – буркнул Урбек, припоминая, что некогда ему доводилось посещать школу.

– Люди, основав империю, ни одну младшую семью не тронули. Мы тогда при своих остались, эрлийцы не пострадали, осы – как ползали по пещерам, так и продолжают ползать, только навы смылись.

– Часть наших с навами сразу ушла, – припомнил Кумар.

– Конечно, ушла, иначе бедолаги с голоду бы померли. Но все было интеллигентно: кто захотел – ушел, кто захотел – остался. – Биджар откинулся на спинку кресла. – И чуды, насколько я помню, чужих вассалов не трогали. Людов погнали, а остальным разрешили жить, как жили. Налогами, конечно, придавили, но резать – нет. Никого не резали.

– А оккупация Западных лесов? – Урбек успел проникнуться трагической историей Красных Шапок. – Не могли же эти дурни все выдумать?

– Не могли. – Хамзи взялся за мышку и отправился путешествовать по страницам tgrad.com. – Та-ак, учебник истории... Красные Шапки... Ага, так я и думал...

– Что там?

– «В связи с тем, что Западные леса опустели, стала разрушаться важная дорога на порт Брек. Некоторые ее участки оказались непроходимы и для повозок, и для всадников, а потому великий магистр Ордена распространил власть ложи Черного Феникса...» – Биджар зевнул. – Ну и так далее.

– Что это значит?

– А значит это, дружище, что живущие в Западных лесах Красные Шапки всех устраивали: по крайней мере, за дорогой было кому смотреть. И ложа Черного Феникса, если верить учебнику, долго отбрыкивалась от чести водрузить свой штандарт в этой глухомани. Потому как тем же указом им было велено восстановить стратегическую магистраль в кратчайшие сроки.

– Получается, никакой оккупации не было?

– Как посмотреть. Штандарт ложи Черного Феникса над Западными лесами взвился, это исторический факт. А то, что Красные Шапки сами запаниковали и за зелеными со страху подорвались, никого не касается. Все равно они политические беженцы. – Хамзи выпил еще коньяка и закусил лимончиком. – Сироты.

– Трагедия целого народа, – поддакнул Урбек. – Геноцид и все такое.

– А вот перебарщивать не надо, – поморщился Биджар. – Чуды и так взбеленятся, так что если перегнуть палку, можно нарваться на крупные неприятности.

– Всегда можно сказать, что мы развлекались.

– Хорошенькое развлечение! Знаешь, сколько денег надо на раскрутку?

– Потому и пришел.

– То есть ты не хочешь вкладываться?

– А ты видишь прибыль?

– А ты?

– Пока с трудом.

– Тогда чего пришел?

– Так ведь ты директор Торговой Гильдии...

– Один из директоров, – поправил приятеля Биджар. – Не надо грубой лести.

– Какая разница, сколько вас там? Важно другое: если ты подпишешься, то и я копеечку добавлю.

– А сами Красные Шапки?

– Они только-только за выборы расплатились. Кувалда денег точно не даст. Да и нет у него.

– Плохо. – Было видно, что Хамзи очень не хочется рисковать собственными капиталами. – Если портки драные и в карманах пусто, то нечего о семейной гордости размышлять. Работать надо.

– Если ты прибыль видишь, то нам дикари без надобности. От них только имя потребуется да вопли. Все остальное сами устроим.

– Прибыль, прибыль, прибыль... – Биджар покосился на изменившиеся на одном из мониторов графики и снял телефонную трубку: – Казар, избавься от «кофейных» акций. Да, быстро. Они сейчас на максимуме, а через пару часов начнут падать.

– Конечно, если тебе неинтересно...

– Давай подумаем, что можно поиметь с чудов. Как бы качественно мы ни раздули скандал, максимум, на что согласится Орден, – оплата издержек. О компенсации даже заикаться смешно.

– Но...

– Естественно, мы ее потребуем, – успокоил приятеля Хамзи, – но никогда не получим.

– Это я понимаю.

– Итак, издержки. Во-первых, все должно быть тщательно запротоколировано. Историческая справка обошлась во столько-то, консультация эксперта во столько-то, прямой эфир, работа журналистов, командировка в Западные леса, на места сражений, так сказать...

– Включая суточные и командировочные, – подал голос Урбек.

Уточнение показало, что Кумара тема волнует.

– Ты сам, что ли, хочешь съездить?

– У меня дела в Европе.

– Ладно, вопросов нет, съездишь. Короче, вся эта суета позволит нам обеспечить работой массу друзей и родственников.

– А себя мы не обидим?

– Разумеется, нет. Стоимость исторической справки изрядно удивит великого магистра. Шасы сдержанно посмеялись.

– Но это мелочь, ради этого суетиться не стоит. – Биджар вновь стал серьезным. – Нужны реальные доходы.

– Откроем Фонд помощи?

– Попахивает мошенничеством.

– Тотализатор подпишем. Пусть концы принимают ставки на исход противостояния и с нами делятся.

– Подпишем, – согласился директор.

– Рекламные контракты? Первые пару дней эфиры будут привлекать внимание, так что можно заломить хорошие цены.

– Заломим. – Но Хамзи явно обдумывал что-то еще.

– Я в доле, – напомнил Урбек. – Если ты видишь серьезную прибыль, я готов войти в половину.

– Красные Шапки пострадавшие?

– Ну.

– Несчастные?

– Ну.

– Их будут жалеть?

– Зависит от того, насколько качественно мы поработаем.

– Если поработаем качественно и общественное мнение встанет на сторону обездоленных, то из Великих Домов можно вышибить налоговые льготы для дикарей. Хотя бы на полгода.

– Типа, на возрождение племени.

– Типа, да.

Пару секунд приятели восторженно смотрели друг на друга.

– Я же говорил, что ты умный.

– А я и не скрывал. – Биджар улыбнулся. – Ну, навы, положим, плевать хотели на общественное мнение и возрождение дикарей. Льготы из них даже Спящий не вышибет. А вот чудов и людов можно пощипать.

– Я подписываюсь.

– Тогда давай набросаем смету и подумаем, кого привлечь. – Хамзи помолчал. – И кто будет рулить проектом в наше отсутствие.

– Ты тоже уезжаешь?

– Урбек, не будь ребенком. Какова, по-твоему, будет первая реакция чудов?

– Мне не хочется об этом думать.

– Мне тоже. Поэтому после того, как мы обрушим на Тайный Город массивный поток информации и зацепим народ, самим нам придется смыться куда-нибудь хотя бы на сутки, в противном случае чуды нам головы отвинтят. Они ребята горячие, сразу за мечи схватятся.

– У меня как раз дела в Европе, – улыбнулся Урбек. – Я говорил.

– А у меня всегда дела в Европе, – пожал плечами Биджар. – Я просто не часто туда выбираюсь.

– Поедем сегодня?

– Не раньше, как все начнет работать.

– Разумеется. – Кумар насупился. – А если не зацепим народ?

– Тогда придется извиниться перед чудами и списать расходы в убытки.

– Не хочу.

– Да не волнуйся – зацепим. – Хамзи откинулся на спинку кресла и забросил ноги на стол. – Тема модная, историческая справедливость и все такое. Опять же рыцари известные забияки, образ оккупантов им к лицу. Зацепим!

– А с Красными Шапками как будем делиться?

– Десять процентов от компенсации им хватит?

– За глаза.

– Так и поделимся.

– Там Кувалда за дверью, – сообщил Урбек. – Я его привел на случай, если ты согласишься.

– Пусть заходит, раз здесь, – милостиво кивнул Биджар. – Составим пару бумажек, чтобы не откладывать дело в долгий ящик.

* * *

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Крылатские Холмы,

15 декабря, среда, 09.04

– М-да... я знал, что из Москвы нельзя уезжать надолго, – протянул Артем, наливая себе очередную чашку кофе.

– Что ты имеешь в виду? – осведомился Кортес.

– Мы выпали из информационного потока.

Разумеется, молодой наемник имел в виду не те события Тайного Города, что освещались новостными каналами «Тиградком», принимаемыми на тропическом острове. Речь шла о более важной информации: детали, обрывки слухов, сплетни, доклады осведомителей, поведение ключевых игроков – мелочи, из которых можно сложить реальную картину, почувствовать, что стоит за официальными новостями, и осмыслить подоплеку происходящего. Все это можно было получить, только находясь в Москве, и теперь наемникам не хватало информации, чтобы понять, во что их пытается втянуть Сантьяга.

– Мы совершенно не знаем, что творится в городе.

– Нас быстро ввели в курс дела, – заметила Яна.

– Хотелось бы иметь больше времени на подготовку.

Кортес одобрительно кивнул, ему тоже не нравилось заключать контракт впопыхах.

– Мы профессионалы, – хмыкнула Инга, поправляя гладкие рыжие волосы. – По крайней мере, Сантьяга так считает.

– А поэтому довольствуйся тем, что есть.

– А что у нас есть?

– Давай посчитаем. – Кортес поднял глаза к потолку. – Пункт первый: Сантьяга решил покончить с гражданской войной в семье Масан. Но не хочет, чтобы Темный Двор связывали с этим.

– Почему?

– Не уверен в успехе? – предположила Инга.

– Сантьяга? – округлил глаза Артем.

– Не все его замыслы заканчивались так, как он рассчитывал.

– Но это не повод уходить в тень, – задумчиво произнесла Яна. – К тому же сам факт участия Нави повышает шансы на успех мероприятия. Мало кто любит играть против темных.

Даже Великие Дома не часто бросали вызов Темному Двору, чего уж говорить о менее могущественных семьях.

– Я думаю, что дело в политике, – продолжила девушка. – Масаны должны сами справиться с кризисом. В противном случае опять возникнут разногласия, на победителей нацепят ярлык навских рабов, и все вернется на круги своя. Сантьяга же, как я понимаю, хочет получить под свое крыло большую часть мятежников.

– Верно, – поддержал Яну Артем. – Масанов угнетает мысль, что за них думает Темный Двор, и комиссар вынужден прятаться.

– Он придумал интригу, нашел исполнителей, а сам остался за кулисами, – резюмировала рыжая.

– В целом я с вами согласен, – кивнул Кортес. – Но не уверен, что дело лишь в политике. Все понимают, что объединить Саббат можно только, договорившись с Тайным Городом. Большие кланы хорошая мишень для гарок, и ни один здравомыслящий кардинал не согласится высунуться, пока не получит гарантий неприкосновенности. Рядовые масаны не дураки и все понимают. Раз Сантьяга начал интригу, значит, он просчитал, что мятежники в большинстве своем спокойно отнесутся к переговорам с навами.

– То есть, когда начнется операция, все поймут, что Тайный Город как минимум ничего не имеет против происходящего.

– Умные поймут.

– А комиссар все равно хочет дистанцироваться.

– Кровь, – поняла Яна. – Будет много крови. Нам подсовывают грязный контракт.

– Предполагается чистка рядов.

– Нашими руками.

Наемники переглянулись.

Что бы ни говорили об их команде недоброжелатели, в каких бы грехах ни обвиняли, никто, даже самый завистливый конкурент, никогда не называл наемников киллерами. В отличие от тех же хванов, Кортес не брался за контракты из серии «найди и убей», он решал проблемы, распутывал загадки, улаживал неприятности. Если требовалось, действовал предельно жестко, но всегда рассматривал насилие как средство, а не цель. Впрочем, Сантьяга это тоже понимал, но его предложение показывало, что других подходящих кандидатур у комиссара не было.

– С обеих сторон полно непримиримых, – тихо сказала Инга. – Мечь, ненависть, страх – все смешалось. Просто так узел не распутать.

– Невозможно за один день убрать всех несогласных, – пробормотал Артем. – Это работа на несколько лет, а то и несколько десятков лет. И заниматься ею будут сами масаны.

– А нам, судя по всему, придется убрать тех, до кого обычным кровососам не дотянуться. – Кортес посмотрел на Яну. – Сантьяга хочет, чтобы мы перебили истинных кардиналов.

Девушка едва заметно кивнула.

Кортес был вожаком, лидером, он обладал колоссальным опытом, чутьем, ясным умом и авторитетом в Тайном Городе. Его мастерство в оперативном планировании признавал даже Сантьяга, а его боевые качества вызвали уважение у хванов. Но все понимали, что главной ударной силой команды является Яна – гиперборейская ведьма, боевой маг высочайшего уровня. Она была одной из тех, кто мог на равных тягаться с владельцами Амулетов Крови, а скорее всего – превосходила их.

– Надеюсь, нам не придется драться со всеми истинными одновременно, – пробурчала Инга.

– Сантьяга умен, не сомневаюсь, что он заготовил весьма хитрую каверзу.

– Истинные кардиналы сильны авторитетом. Их поддерживают, им доверяют. У них большие кланы и много преданных сторонников, готовых умереть за вождя.

– Умрут, – глухо пообещал Кортес.

– Высокая цель и грязные средства.

– Когда-нибудь было иначе?

Инга с удивлением посмотрела на друга – настолько жестко произнес Артем эту фразу.

– Тебя не смущает, что мы можем прослыть карателями?

– Надо сделать так, чтобы никто не узнал о нашем участии, – пожал плечами молодой наемник. – Действовать осторожно и решительно.

– Тем более что у нас не будет страховки и гарки не придут на помощь в случае провала.
– Вы говорите так, будто уже решили принять предложение. – Инга внимательно оглядела друзей.

– Что тебя смущает?

– То есть ты готов подписать контракт?

Кортес покачал головой:

– Для того чтобы составить окончательное мнение, мы должны выслушать Захара. Что он скажет? Как он скажет? Насколько он уверен в своей правоте? Поверь, Инга, мне тоже не хочется приобретать репутацию мясника и терять друзей среди масанов. Но если я увижу, что Трени верит, то выскажусь за контракт. – Наемник помолчал. – В конце концов, Захар мой друг, и ему нужна помощь.

Наемники помолчали.

– Один вопрос, напарник, – негромко произнесла рыжая. – Что бы ты сейчас говорил, если бы Сантьяга не оплатил контракт?

– Подтвердить свои слова я могу только одним способом: вернув комиссару деньги, – медленно произнес Кортес. – Ты этого хочешь?

– Не нужны доказательства. Достаточно твоего слова.

– Тогда повторю: если я увижу, что Захару нужна помощь, – помогу ему в любом случае. Сантьяга же просто добился того, чтобы никто не испытывал неловкости.

Друзья Кортеса частенько подшучивали над его привычкой обсуждать важные дела в ресторанах и клубах. Подшучивали, но не отрицали, что смысл в подобном поведении был: ну, заметишь ты наемника с кем-то за столиком, и что? Как угадать, ужинает ли он с приятелем, обмениваясь ничего не значащими фразами и светскими сплетнями, или договаривается о сложном контракте? Ведь среди приборов почти всегда стояла черная пирамидка оберега Темного Двора – знаменитый навский артефакт, закрывающий собеседников от любого способа подслушивания. Тем не менее Кортес легко изменял привычкам в угоду обстоятельствам. Если того требовало дело, наемник встречался с заказчиками и на главной базе наемников – в офисе компании «Неприятные ощущения», и на нейтральной территории, или, как сейчас, на конспиративной квартире, снимаемой на чужое имя. Раз в полгода доверенные люди Кортеса, никак не связанные с Тайным Городом, арендовали новую жилплощадь, вносили плату за несколько месяцев вперед и пересылали наемнику адрес. Случалось так, что Кортес ни разу не появлялся в снятом жилье, случалось, что отсиживался в квартире по нескольку дней или просто жил в ней один-два месяца, но резервная нора у него была всегда, и именно в такой квартире состоялась встреча с Захаром Трени.

– Я думал, ты будешь выглядеть гораздо хуже, – улыбнулся Захар, пожимая Артему руку. – Во сколько вы уехали из клуба? В четыре?

– Наркотики, – рассмеялся в ответ наемник. – Лошадиные дозы мощных стимуляторов. Ради тебя я сознательно причиняю вред организму.

– Так я и поверил.

В Тайном Городе даже наемникам, живущим весьма бурной жизнью, не было необходимости в частом применении стимуляторов. Тем более если подруга – опытный маг. Инге потребовалось всего четверть часа, чтобы избавить Артема от накопленной за ночь усталости.

– Ты кажешься задумчивым, – бросил Кортес, внимательно глядя на вампира.

– Сильно заметно?

– Всегда заметно, если кто-то ведет себя необычно.

– Спасибо на добром слове.

Наемники рассмеялись.

- Кофе?
- Не откажусь.

Инга принесла с кухни еще одну чашку, наполнила ее обжигающим напитком и подала вампиру. Захар сделал маленький глоток и вздохнул:

- Я всегда говорил, что кто-то из вас умеет варить эти зерна лучше всех в мире.
- Артем сказал, что тебе требуется наша поддержка, – перешел к делу Кортес. – Это так?
- Да.
- Что задумал?

Епископ Треми сделал еще несколько глотков кофе, после чего поставил наполовину опустошенную чашку на стол и посмотрел прямо в глаза наемнику:

- Я планирую небольшую войну за пределами Тайного Города. И буду рад, если вы согласитесь в ней поучаствовать.
- «Поход очищения»?
- Что-то вроде.
- Это официальная операция?

– Нет, – после короткой паузы ответил Захар. – Но и не личное дело. Правильнее всего будет назвать мероприятие тайной акцией в интересах семьи Масан. Настолько тайной, что о ней не знает даже мой кардинал.

- А Сантьяга?
- Он в курсе. Но не может оказать прямую поддержку. – Епископ вновь помолчал. – В силу этих причин я не смогу заключить с вами официальный контракт ни от семьи Масан, ни от клана...

- Захар, – перебил вампира Кортес, – сколько ты меня знаешь?
- Лет этак...
- А сколько мы дружим?
- Ну, если подумать...
- Тебе нужна наша помощь?

Масан пристально посмотрел в глаза наемнику:

- Да.
- Для тебя это важно? Лично для тебя?
- Мне без вас не обойтись.
- Вот об этом мы с тобой и будем говорить. О деле. И только о нем.

Епископ допил кофе, вновь оглядел сидящих вокруг челов, вернулся взглядом к Кортесу и тихо спросил:

- Ты уверен?
- В жизни случается всякое, – спокойно ответил наемник. – Но я знаю точно: доведись мне обратиться к тебе за помощью, счет за услуги ты не выставишь.

– Ладно, проехали, – по-прежнему негромко произнес масан. – Хочешь услышать, что за войну я планирую?

- Если можно – с подробностями, – улыбнулась Яна.
- С деталями, – добавил Артем.
- В общем, не скрывай ничего, – закончила Инга.
- Тогда я начну с самой главной подробности. Чтобы у вас была возможность передумать и запросить плату.

- Чем ты пытаешься нас напугать?
- Нам придется ликвидировать как минимум одного истинного кардинала, – усмехнулся епископ Треми.

- Которого из них?
- Бориса Луминара.

Наемники обменялись взглядами.

– Он владеет не самым мощным Амулетом Крови, – пробормотала рыжая.

– Зато Борис прекрасный боец, – буркнул Артем. – А нью-йоркский клан считается едва ли не самым сильным в Саббат.

– Нам ведь не придется сражаться со всеми его подданными, – рассудительно заметила Яна. – Как я понимаю, есть план.

– Есть, – подтвердил вампир.

– Это обнадеживает.

– Не будем спешить, – предложил Кортес, не спуская глаз с епископа. – Борис владеет всего одной Драконьей Иглой.

– Вторая у Густава, – кивнул масан.

– А тебе нужна вся коллекция, не так ли?

– С тобой трудно разговаривать, – весело прищурился епископ. – Ты способен сделать правильный вывод из минимума фактов.

«Он ведь наполовину Луминар!» – вспомнила Яна.

– В Тайном Городе появится истинный кардинал?

– Это зависит от нас.

Инга кашлянула и одобрительно подняла вверх большой палец:

– У тебя большие планы, Захар.

– А какой смысл растрачивать себя по мелочам?

– Отличный ответ, друг! Давай сварим еще одно ведро кофе и займемся подробностями твоего замысла. Что-то мне подсказывает, что нас ожидает весьма увлекательная поездка...

* * *

Кельнский зал

Германия, Кельн,

15 декабря, среда, 06.05 (время местное)

– Мне показалось или ты действительно перестал доверять старику? – поинтересовался Александр, поудобнее устраиваясь в кресле.

В мрачной тишине подземного зала его голос особенно походил на шелест сухих листьев.

– Все так изменилось, – с откровенным притворством вздохнул Густав. – Кругом обман, предательство, я даже не был уверен, что приглашение пришло от вас, дядюшка.

Они были немного похожи, барон Бруджа и кардинал Луминар. Оба невысокие, кряжистые, плечистые, у обоих тяжелый взгляд, грубоватые черты лица, но, несмотря на это, у Густава не было никаких оснований обращаться к Александру «дядюшка» – родственные узы собеседников не связывали.

– Подозрительность никогда не была залогом крепкой дружбы.

– Зато она помогает выжить.

– Ты настолько мне не доверяешь?

– Чему вы удивляетесь?

– Дело, о котором я хотел говорить, требует взаимного доверия, – объяснил барон. – Если его не будет, у нас ничего не получится.

Бруджа неспроста завел разговор об излишней подозрительности молодого собеседника. Место, которое Густав выбрал для встречи – Кельнский зал, отчетливо показывало, что кардинал Луминар... не то чтобы ожидает подвоха, но готов к любой неожиданности. Помещение располагалось глубоко под знаменитым собором и издавна использовалось вампирами для особо опасных встреч. Дверей у подземной комнаты не было, только два защищенных маяка для порталов, секретный пароль которых знали исключительно кардиналы. Построив аркан перехода, один из собеседников оказывался на Каменном Троне, другой – на Деревянном, а находящаяся между креслами прозрачная желтоватая стена – Пелена Дружбы – не позволяла применить ни магию, ни обычное оружие. До тех пор пока собеседники оставались на тронах, порталы блокировались и помешать разговору не мог никто. Со времен становления семья Масан была разбита на семь не очень доверяющих друг другу кланов, и предки позаботились о том, чтобы вожди имели безопасное место для переговоров.

– Дядюшка, – нахмурился Густав. – Мы не виделись очень давно, а говорим не о том. Моя подозрительность – это моя подозрительность, ничего дурного в ней нет. Вы ведь, решив встретиться, не отправились в Лондон. – Луминар усмехнулся. – Без охраны и без Алого Безумия.

– В том-то и дело, что мы, когда-то бросившие вызов Тайному Городу, перестали доверять друг другу, – вздохнул Бруджа.

– Начался серьезный разговор?

– Да.

– В таком случае я внимательно слушаю.

Густав демонстративно посмотрел на часы: пребывание в Кельнском зале требовало массы сил, и даже истинные кардиналы не могли затягивать встречу дольше чем на час-полтора.

– Ни для кого не секрет, какие мысли занимали меня последние века.

– Вы мечтаете объединить семью.

– Я хочу объединить семью, – поправил собеседника Бруджа.

– Из-за этого, дядюшка, многие считают вас безумцем.

– Ты тоже?

– Я истинный кардинал, – с законной гордостью напомнил Густав. – И я знаю, что Амулет Крови не станет служить сумасшедшему. Точнее, сумасшедший не сможет владеть Амулетом Крови.

– Ты прав.

– У каждого есть какая-то мечта, – продолжил Луминар. – Иногда реальная, иногда несбыточная. Жить легче, если есть цель, и я научился с уважением относиться к вашим... идеям.

– Но не воспринимаешь мой замысел всерьез.

– Я в него не верю.

– Хорошо. – Александр улыбнулся. – Я рад, что между нами появляются первые признаки взаимного доверия: раньше ты не позволял себе так отзываться о моей цели.

– Какое-то время назад я был очарован вашим замыслом, – признался Густав. – Но время идет, становится только хуже, и я понял, что планы несбыточны. Масаны обречены выживать поодиночке.

– А если я скажу, что появился шанс?

– Еще один?

– Настоящий шанс.

Александр колебался: говорить или не говорить? Новость о том, что он вернул себе могущественный артефакт, могла вызвать у Луминара дополнительные подозрения, но как еще заставить проклятого лондонца поверить в реальность перспектив? Как заставить сделать то, что требовалось барону? Сейчас Александру было необходимо доверие молодого собеседника, и он рискнул:

– Я снова владею Колодой Судьбы.

Листья прошуршали, и на некоторое время в зале повисла тишина.

– Разве это не сказка? – выдавил наконец Густав.

– Ты знаешь, что нет.

– И вы откроете «Королевский Крест»?

– Мы еще вернемся к этому вопросу, – пообещал Бруджа. – А пока я бы хотел поговорить о твоей мечте.

– У меня ее нет, – просто ответил пришедший в себя Луминар. – Я имею все, о чем только может мечтать масан: власть, силу, авторитет, много *пищи* и возможность исполнить любую прихоть.

– Но ты пользуешься своим положением достаточно осторожно.

– Не заметил.

– Во всяком случае, твои прихоти не идут ни в какое сравнение с фантазиями Бориса.

При упоминании двоюродного брата Густав скривился.

– Борис всегда отличался некоторой несдержанностью.

– Ты слышал о его последней выходке?

– О Корабле Уродов?

– Нет, о Стеклянном Доме. Он приобрел у контрабандистов несколько «протуберанцев» и теперь развлекает подданных изысканной казнью: медленным поджариванием. Говорят, шоу пользуется большим успехом.

– У участников?

– У зрителей.

– Власть без злоупотребления теряет свою прелесть, – усмехнулся Густав. – Братишка всегда отличался экстравагантностью. Не скажу, что мне нравится его поведение, но мало кого из нас можно назвать праведником. Борис сажает своих врагов в Стеклянный Дом, а вы истребляете под корень.

Все кардиналы Саббат старались следить за конкурентами, и Александр не удивился тому, что Луминару известно об участии греческих сепаратистов.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, Густав. Но мы вожди и вольны поступать с вассалами так, как нам угодно.

– Саббат распадается, – протянул лондонец. – Тебе не удержать клан силой.

– Об этом я и говорю. – Бруджа помолчал. – Но вернемся к твоей мечте.

– У меня ее нет, – жестко повторил Густав.

– А Борис?

– Меня вполне удовлетворяют женщины.

– Я имею в виду кинжал Бориса.

Теперь замолчал Луминар.

– Вторую Драконью Иглу, – уточнил барон.

– Я и без нее являюсь истинным кардиналом, – медленно и очень тяжело произнес Густав.

– Не спорю, – тонко улыбнулся Александр. – Но в клане Луминар должен быть только один истинный кардинал. Так заведено.

«И пока ты не владеешь обоими кинжалами, ты неполноценен». Этого Бруджа не сказал, но то, как он посмотрел на собеседника, как откинулся на спинку Каменного Трона и забро-

сил ногу на ногу, как сверкнуло на его груди Алое Безумие, – презрительно, как показалось Густаву... Бруджа не сказал, но Луминар услышал.

Завладеть второй Драконьей Иглой!

Прямое столкновение с Борисом исключалось. Клань почти равны по силе, у каждого лидера половина Амулета Крови. Борис хорош в бою. Густав умнее. Чем закончится война, не сказала бы даже Клаудия, Глаза Спящего, а потому братья осторожничали. Каждый предпринял по несколько попыток заманить соперника в ловушку, каждый разрабатывал хитроумные планы, отправлял на смерть воинов, но так ничего и не добился. Теперь Бруджа предлагает помощь. Два истинных кардинала против одного. А если быть честным, то полтора против половины. Плюс «Королевский Крест», который можно открыть на гибель Бориса. Верная победа? Заманчиво, очень заманчиво... Но Александр – опытный интриган, чего он потребует в качестве платы?

– Не буду скрывать, дядюшка, предложение интересное. И... черт побери, вы были правы: собрать Амулет целиком – моя мечта. Пожалуй, я ошибался, говоря, что располагаю всем, что мне надо.

– Надеюсь, ты не думаешь, что твоя мечта столь же неосуществима, как и мой замысел? Луминар подался вперед, впился взглядом в непроницаемые глаза старика:

– Осуществим ли план, который вы предложите, или нет, это вопрос второй. Вы все равно не расскажете о нем до тех пор, пока не будут выдвинуты условия.

– У меня есть условие, – кивнул Бруджа.

– Я весь – внимание.

Но Александр не торопился. Помолчал, выдерживая взгляд молодого кардинала, даже улыбнулся, чувствуя, как дрожит от возбуждения собеседник.

«Получилось!»

– Как ты понимаешь, Густав, разрабатывая план, я выбирал, к кому из вас обратиться, к тебе или к Борису.

– Представляю ваши муки. В подобных вопросах нельзя ошибиться.

– Я не сомневался, что каждый из вас не откажется от моей помощи, но, к счастью для тебя, Борис слишком одиозен. И непредсказуем. Он бы не согласился с моим условием.

– С каким?

– За то, что я отдам тебе кинжал и сделаю полноценным кардиналом, ты подпишешь со мной договор на Амулетах Крови.

– Вассальный?

– Союзнический. Вечный мир, дружба и раздел территории. Объединив усилия, мы сможем взять под контроль всю семью.

– Теоретически это выполнимо, – прищурился Густав. – Я получу нью-йоркский клан и с его помощью помогу вам вернуть власть над южноамериканскими Бруджа. Затем мы придадим Западное побережье Штатов, и останутся только Африка с Азией.

Небольшое количество австралийских вампиров Луминар решил не учитывать.

– Все правильно, – подтвердил барон. – Ты умен и просчитал почти все мои дальнейшие шаги. Азиатские и африканские вожди не рискнут ссориться с двумя истинными кардиналами. По моим расчетам, через десять-пятнадцать лет нашу власть не признают лишь одиночки.

– Почему столь долгий срок?

– Потому что я предполагаю действовать в основном дипломатическими методами. Убеждать и уговаривать, а не завоевывать.

– Разумно. – Луминар откинулся на спинку кресла и побарабанил пальцами по подлокотнику. – Разумно...

– Что тебя смущает?

– Вы предложили хороший план, – вздохнул Густав. – Но невыполнимый. Каждый масан знает: объединившись, мы сразу же станем мишенью для Тайного Города. И этот факт перечеркивает любые доводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.